

Не вороши осиное гнездо

Автор:

Татьяна Полякова

Не вороши осиное гнездо

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детектив Я и Владан Марич #3

Я не находила себе места из-за неожиданного отъезда Владана Марича. Куда он исчез? Надолго ли? Безднадежно влюбленная, я согласна довольствоваться малым: только бы находиться рядом с ним, помогать ему вести расследование. Но клиентов пока не наблюдалось, да и не за каждое дело Владан – «специалист по трудно разрешимым проблемам» – брался... Однажды в безлюдной подворотне я случайно наткнулась на истекающую кровью женщину. Когда приехала «Скорая» и полиция, она уже умерла. На душе было скверно. Зрела уверенность: эта трагедия затеряется в десятке подобных. Вряд ли полиция будет искать убийцу: район с говорящим названием Дно пользовался дурной славой. Я решила сама во всем разобраться, разворошив тем самым осиное гнездо. Теперь мне грозит смертельная опасность. К счастью, великий сыщик Владан Марич вернулся, и началось наше захватывающее дух расследование...

Татьяна Полякова

Не вороши осиное гнездо

© Полякова Т.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Девушка еще не знает все,

Девушка никак не поймет его,

Для девушки он просто чемпион...

Бандэрос

В то утро пробки в городе были просто чудовищные. В офис я добиралась больше часа, бросила машину напротив входа и бегом поднялась по ступенькам. Дверь оказалась заперта, значит, Владан еще не пришел. Я вздохнула с облегчением, не то чтобы боялась выговора за опоздание, шеф вряд ли бы обратил на это внимание, просто мне нравилось приходить пораньше, немного прибраться и запустить кофемашину. Помещение офиса наполнит аромат крепкого кофе, а Владан будет знать – его здесь ждут.

Офис давно стал моим родным домом, по крайней мере тут я проводила большую часть времени. Вовсе не по той причине, что дел у нас невпроворот. С последнего расследования прошло уже две недели, клиентов пока не наблюдалось, оттого Владан не считал нужным сидеть в офисе, хотя и в прочие дни его здесь не часто застанешь. Расследование – вещь хлопотная, приходится много передвигаться. Держать дверь открытой, поджидая случайных клиентов, нужды нет, точнее, ни о каких клиентах с улицы не было и речи. К Владану обращались за помощью, как правило, по рекомендации. И далеко не за все дела он брался.

Надо сказать, мой шеф в здешних краях личность легендарная. Приди мне охота записать все, что болтали о его подвигах, получился бы солидный том. Я, кстати, была бы совсем не прочь заняться его биографией – она меня чрезвычайно интересовала, но точно знала: от Владана ничего не добьешься. К разговорам о себе он относился с философским спокойствием и никогда их не комментировал. Временами насмешливо фыркал, чаще равнодушно отмахивался. А без него разобраться, что в рассказах о нем правда, а что вымысел, совершенно невозможно. Вполне правдивая история на поверку оказывалась досужим вымыслом, а та, что выглядела абсолютно фантастической, напротив, являлась чистой правдой. Убедившись в этом пару раз, я мудро решила ничему особо не верить, но все принимать к сведению.

Нужно ли говорить, что я влюблена в своего шефа? Если быть точной, не просто влюблена, он стал для меня единственным мужчиной, смыслом всей жизни... продолжать можно до бесконечности. Жаль, что моя любовь остается без ответа. На момент нашего знакомства у Марича уже была женщина, и ничего в своей жизни он менять не собирался, о чем и поставил меня в известность при первых попытках навязаться ему в возлюбленные. Зато я настояла на том, чтобы с ним работать. Не очень равноценный обмен, но что поделать. Маринка, его подруга, утверждает, будто я пробуждаю в нем отцовский инстинкт. Радости от этого никакой, еще в одном родителе я точно не нуждалась, такого отца, как у меня, поискать, и от Владана ждала совсем иных чувств. Подозреваю, они все же есть, хотя... В общем, вопрос, есть или нет, все еще стоит очень остро, и я надежды не теряю. Но даже если все сложится скверно для меня, вряд ли решусь изменить свою жизнь (в этом мы с Владаном похожи), потому что совершенно не представляю этой самой жизни без него.

Только не подумайте, будто я считаю себя несчастной, совсем наоборот. Любимый рядом, это главное. Куда хуже, если бы мы вовсе никогда не встретились. Теперь, надеюсь, понятно, почему я рвусь на работу как на праздник и просиживаю в офисе дни напролет. Само собой, я просто жаждала, чтобы у нас появился очередной клиент. Оттого так и обрадовалась вчерашнему посетителю, солидно одетому мужчине в возрасте, который пришел ближе к обеду. И тут же позвонила Владану. Шеф поговорил по телефону с посетителем буквально пять минут, и тот покинул офис весьма недовольным.

Вечером, когда Марич заглянул в контору, я ворчливо поинтересовалась:

– Мы не нуждаемся в клиентах?

Он равнодушно махнул рукой:

– Надо предыдущий гонорар потратить.

Если верить Владану, работал он весьма неохотно, и только тогда, когда ему требовались деньги. Но как раз в этом вопросе я ему не особо доверяла, потому что уже неплохо его знала. В нем необыкновенно остро было развито чувство справедливости, а еще он добрый человек, умеющий сострадать. Хотя, скажи я это Владану, он бы меня непременно высмеял.

В общем, клиента у нас не было, и в ближайшее время, с таким-то отношением моего шефа к делу, он вряд ли появится. А значит, мне остается терпеливо ждать, надеясь, что Марич без меня скучает и в офис пару раз в день все же заглянет.

Я открыла окно и увидела Тамару, барменшу из кафе напротив. Она стояла возле двери, уперев руки в широкие бедра, и с хмурым видом обозревала улицу.

– Привет, – крикнула я и помахала ей рукой.

– Привет, – откликнулась она. – Пацанов не видела? Какой-то гаденыш мячом в окно зафутболил. Чтоб ему...

Окна выглядели целехонькими, но я на всякий случай спросила:

– Разбил?

– А что, нужно дожидаться, когда разобьют?

Тамара скрылась в кафе, а я заметила лист бумаги, лежавший на столе Владана и прижатый перекидным календарем, чтоб не улетел. До той поры я просто не обращала на него внимания. Размашистым почерком Марича было написано: «Вы меня малость утомили, решил развеяться. Считай, что ты в отпуске». Мы – это я и Маринка, надо полагать.

– Ужасное свинство, – пробормотала я, плюхаясь в кресло шефа. – Какой еще отпуск? И где носит Владана?

Я едва не заревела от досады, то есть непременно бы заревела, но тут хлопнула входная дверь, и появилась Маринка. Парадокс в том, что, уcati он куда-то с ней, мне было бы спокойнее.

– Пришла? – спросила соперница, решив не здороваться, и села на диван.

Обычно она в конторе не задерживалась, если Владана не было, впрочем, в последнее время и здесь наметились изменения. Несмотря на то что Маринка жила с Владаном (то есть жили они все же в разных квартирах, хоть и на одной

лестничной клетке, еще одна деталь, позволявшая надеяться), так вот, несмотря на это, никакой неприязни я к ней не испытывала, даже наоборот. И она ко мне тоже. Наверное, это ненормально, но мы стали подругами, впрочем, соперничество никуда не исчезло. Должно быть, Маринка, как и я, надеялась: все само собой рассосется ко всеобщей радости и благополучию. Например, я влюблюсь в другого, выйду замуж и перестану сидеть в офисе, мозоля ей глаза. Я же мечтала, что это она мне глаза мозолить перестанет. Похоже, наши молитвы были услышаны, но Господь, как всегда, решил по-своему, исчезла не я и не Маринка, исчез Владан.

– Он уехал, – сказала Маринка. – Так что тебе здесь торчать без надобности.

– Какая разница, где торчать? – буркнула я.

– Ты могла бы съездить куда-нибудь, – пожала она плечами.

– Сама и поезжай.

– Ладно, я тебя предупредила... – Она начала подниматься с дивана, а я показала ей записку. – Значит, он сюда заходил, – кивнула она.

– Куда он уехал? Надолго? – Маринка вновь пожала плечами. – Как это вообще понимать? Он тебе что-нибудь сказал? – разозлилась я.

– Записку оставил. Утром встала, его нет. На холодильнике записка.

– И что написал?

– Советовал, пока есть время, выбрать место для совместного отдыха. Вернется, и полетим в теплые страны.

– А сейчас он где, в холодных?

Маринка направилась к двери, не пожелав ответить. Она была непривычно тихой, и это насторожило. Владана она ревновала неутомимо и страстно и готова была закатить скандал по малейшему поводу. А скандалили они так, что вся улица была в курсе, то есть все могли слышать, почему на этот раз Маринка

решила, что он кобель, чертов бабник и неблагодарная скотина. Первые полчаса он обычно молчал, потом начинал орать «дура ревнивая!», «идiotка» и «безмозглая курица». После чего Маринка бросалась в атаку и награждала его пощечинами. Удары были слышны даже на улице. Он терпел еще минут двадцать, после чего следовала звонкая затрещина и наступала тишина.

«Трахаться пошли», – делали вывод особо продвинутые дети, стайкой сидевшие на ступеньках офиса, надо сказать, к этим скандалам улица относилась с большим интересом, стар и млад замирали на месте, подняв голову к заветным окнам. Некоторые специально прибегали за два квартала.

Иногда сценарий менялся, и Владан вместо того, чтобы вклепить Маринке пощечину, что-нибудь выбрасывал в окно, стул или любимую Маринкину вазу. Наверное, по этой причине она предпочитала скандалить на его квадратных метрах, там что ни выкини – все равно не жалко, сплошная рухлядь. Временами я мечтательно думала: не худо бы ему выбросить саму Маринку... Но это скорее из зависти. Я бы на месте этой чокнутой скандалить с ним не стала. К великому сожалению, я не на ее месте...

В общем, теперешнее ее поведение сбивало с толку и даже тревожило. Тут я обратила внимание еще на одну деталь, которую поначалу упустила: Маринкин наряд выглядел крайне скромно: юбка ниже колена и шелковая блузка с длинными рукавами. И это при том, что Маринка тяготела к одежде яркой и довольно откровенной, что позволяло мне зачастую обвинять ее в дурновкусии, само собой, мысленно. Скажи я это вслух, все могло бы закончиться дракой, а в кулачных боях я не сильна.

Маринка спускалась по ступенькам, я наблюдала за ней в окно. Она не спеша проследовала мимо своего дома, то есть возвращаться к себе не собиралась, однако была без дамской сумочки. Куда в таком случае она направляется? Решила прогуляться? Может, Маринка рассказала далеко не все, может, они с Владаном поссорились, и он в сердцах уехал в неизвестном направлении? Надо у Тамары спросить, скандалили вчера или нет?

Сама толком не зная, зачем это делаю, я, подхватив сумку, поспешно покинула офис и отправилась следом за Маринкой, держась на расстоянии.

Она свернула, и я за ней. Теперь мы шли по бульвару и вскоре оказались возле церкви. Соперница достала из кармана платок, на ходу повязала его и пошла к церковным дверям, трижды перекрестившись. Вот уж не знала, что она верующая. Возможно, сегодня большой праздник... Но, судя по тому, что прихожан совсем немного, вряд ли в самом деле праздник.

Маринка скрылась за дверью, я немного потопталась на месте, не зная, чем себя занять, подумала и решила в церковь все-таки зайти. На входе взяла платок, выбрав из висевшего на протянутой веревке цветного вороха самый скромный, бледно-голубой, торопливо его повязала и принялась оглядываться. Маринка успела купить свечи и теперь, держа их в руке, шла в боковой придел. Свечи я тоже купила и направилась в сторону алтаря, помолилась как могла, то и дело поглядывая, не появится ли Маринка.

Прошло полчаса, не меньше, а ее все не было. Вероятно, я не заметила, как она ушла. Молитвенного рвения я от нее не ожидала, но на всякий случай в придел заглянула. Там находилась чудотворная икона Богородицы, возле нее Маринка и молилась. Стоя на коленях, истово, с поклонами, касаясь лбом пола из металлической плитки. Взгляд ее был устремлен к лику Богородицы, а губы беззвучно шевелились.

«Точно разругались», – подумала я, наблюдая за всем этим почему-то с большим беспокойством и уж точно без намека на радость или надежду, которая просто обязана была возникнуть: вдруг они и вправду разбежались и теперь у меня появится шанс?

Маринка тяжело поднялась, перекрестилась, приложилась к иконе, но и после этого не ушла. Стояла, склонив голову, руки безвольно опущены вдоль тела. Выглядела она как человек в большом горе, который пришел в церковь с последней надеждой.

Мне захотелось немедленно ее обнять и сказать что-нибудь утешительное, типа «не переживай, он вернется». Ну, не глупость ли? Хороши соперницы!

Я решительно направилась к Маринке. Почувствовав мое присутствие, она повернулась, посмотрела без удивления и сказала:

– Пойдем, – после чего направилась к выходу.

Я плелась рядом, готовя свою речь. Мы оказались на улице, Маринка стянула с головы платок, а я вспомнила, что должна вернуть свой, и бросилась назад. Маринка терпеливо ждала меня на нижней ступеньке лестницы.

– Что случилось? – спросила я, решив не ходить вокруг да около.

Она вроде бы удивилась:

– Ничего. Все нормально.

– Нормально? Оттого ты в церкви лбом об пол стучишь?

– Тебе что за дело, это мой лоб, – отмахнулась она, на мгновение став похожей на прежнюю Маринку. Но только на мгновение.

Мы шли рядом, возвращаясь к офису. Она молчала, хмуро глядя себе под ноги.

– Ты знаешь, где он? – не выдержала я.

– Нет, – покачала она головой.

– Но он ведь тебе что-то сказал?

– Ничего он мне не говорил, – поморщилась Маринка. – Вечером ушел, сославшись на дела...

– Какие?

– Не знаю. Буркнул «срочно по делам надо». Ты ж его знаешь... а утром записка.

– А вещи? Он что-нибудь с собой взял?

– Отстань от меня, – рывкнула она, но совершенно беззлобно, я бы сказала, с отчаяньем, если б была способна в такое поверить: вообще-то Маринка стойкий оловянный солдатик. Минут пять мы шли молча, потом я все-таки не выдержала.

– Думаешь, у него кто-то есть? – спросила тихо.

А вдруг и правда? Женщины его вниманием не обделяли, и это еще мягко сказано.

– Что? – переспросила Маринка с таким видом, точно не поняла вопрос, и тут же кивнула: – Может, и есть. Откуда мне знать? Давай его дождемся и все выясним.

Мы как раз подошли к дому, где находился наш офис и ее квартира. Она вновь кивнула, на этот раз на прощание, и скрылась во дворе, оставив меня в полном недоумении.

– Не знает она, – передразнила я. – Как же... так я и поверю.

Я огляделась, жалобно вздохнув, понятия не имея, что делать. Они там что-то делят, а страдать теперь мне. Где в этом мире справедливость? Вторично вздохнув, я направилась к кафе.

Тамара маячила в окне, явно за мной наблюдая. Когда я вошла, она переместилась за стойку. По телевизору шел показ мод, звук был выключен.

– Привет, – сказала я, устраиваясь на высоком табурете.

Посетителей не было, в это время они редкость, неясно, зачем тогда так рано кафе открывать? По наивности я даже пробовала поговорить с Тамарой на эту тему, но отклика не нашла. Здесь все следовали заведенному порядку, и никто не спешил его менять.

– Куда ходили? – спросила Тамара, ставя передо мной чашку кофе.

Вообще-то она меня не особо жаловала. Зато к моему боссу испытывала чувства, которые смело можно назвать безграничным восхищением. Что бы он ни делал, было разумным и правильным. Приди Владану охота сделать вопиющую глупость, к примеру, спрыгнуть с крыши своего дома, она и этому нашла бы оправдание и даже усмотрела признак гениальности.

Мое водворение в офисе Тамара не приветствовала и как-то откровенно заявила: Владану я не пара. Более того, по ее мнению, я способна испортить ему жизнь. Вот уж чепуха. Кто тут кому жизнь портит – еще большой вопрос.

– В церкви были, – с заминкой ответила я. – Маринке пришла охота бить поклоны.

– С чего вдруг? – удивилась Тамара, должно быть, как и я, не замечая в ней до сего дня особого благочестия.

– Похоже, они поссорились. Вчера шумно было?

– Нет.

– Чудеса. Маринка какая-то заторможенная. И даже допускает мысль, что у него кто-то появился.

– Тю... – пропела Тамара. – Весь район давно бы знал. Тут не спрячешься.

– Может, он нашел кого в другом районе, – съязвила я.

– Разве что тебя, – фыркнула толстуха. – Сам-то Владан где?

– Вот это и неясно. Оставил записки и смылся. То ли поздно вечером, то ли рано утром. Мне предложил отправиться в отпуск, а Маринке мечтать о жарких странах. И ни намека на то, куда исчез и когда вернется. И как она это только терпит, – в досаде покачала я головой, имея в виду Маринку и точно зная, что сама бы тоже терпела. Что еще остается?

В продолжение моей тирады выражение лица барменши стремительно менялось от любопытно-насмешливого до настороженного.

– Что ж, будем ждать, – нахмурившись, сказала она и перекрестилась на икону, висевшую в углу подальше от досужих взглядов. – Храни его, Пресвятая Богородица.

Вот тут мне вдруг стало не по себе. Я поспешно допила кофе и вернулась в офис. Первым делом проверила все ящики в столе Владана, подобного вмешательства

он не жаловал, и я запросто могла схлопотать, узнай он об этом. Хотя, насколько мне известно, ничего особо примечательного, а уж тем более ценного или важного мой босс здесь не хранил. До моего водворения в офисе он и дверь-то зачастую не запирали. Вряд ли с его стороны это был жест доверия к согражданам, скорее желание продемонстрировать: тут он у себя дома. А задираться с Владаном себе дороже, на расправу он скор, впрочем, местные считали это достоинством, а отнюдь не недостатком. В общем, с моей стороны большая глупость лазить по ящикам его стола, никакой подсказки я не найду. То, что Марич желал скрыть, оставалось для других тайной за семью печатями.

В досаде я задвинула ящики и переместилась за свой стол. И вот тогда вспомнила недавнее происшествие, впрочем, его и происшествием-то не назовешь. Дней пять назад мы с Владаном пили кофе. Он ненадолго заглянул в офис с намерением посоветовать мне занять себя чем-нибудь приятным, вместо того чтобы без всякой пользы торчать здесь дни напролет. Я буркнула: «Вообще-то я здесь работаю», – он хмыкнул, но от предложенного кофе не отказался. В надежде задержать его подольше я сразу же принялась трещать, сообщая местные новости, которые он и без того отлично знал.

Мы мило болтали, и тут раздался звонок на его мобильный. Он достал телефон из кармана и нахмурился, но ответил поспешно. На дисплее высветился только номер, это я отлично видела, но создалось впечатление: Владан понял, кто ему звонит, то есть номер был ему известен.

– Да, – отрывисто произнес он.

Что говорил ему собеседник, расслышать не удалось, но звонил, безусловно, мужчина. Разговор длился полминуты, точнее, мужчина что-то сказал, Владан ответил:

– Хорошо, – и убрал мобильный.

К кофе внезапно охладел, выглядел задумчивым. Само собой, звонивший заинтересовал. Вряд ли это клиент, но я все-таки спросила:

– У нас появится работа?

– Что? – Вот тут и выяснилось: Владан пребывает в глубоких размышлениях, раз пропустил вопрос мимо ушей. – Нет, – тут же отмахнулся он.

– А кто звонил?

– Знакомый.

Ясно, что разговор на эту тему закончен, но мое любопытство лишь возросло. Допив кофе, Владан взглянул на часы и сказал, поднимаясь:

– Будем считать, твой рабочий день уже закончен.

– Вот еще, – фыркнула я. – Что мне делать дома?

– Придумай что-нибудь.

– А ты что будешь делать?

– Отдыхать, раз выпало такое счастье.

Он направился к дверям, и я за ним в надежде, что мы еще некоторое время побудем вместе. Но он, махнув рукой, сказал «пока» и зашагал в переулок.

После минутного размышления я решила, что у него назначена встреча. И отправилась за Владаном, держась на расстоянии. Дурацкий поступок, продиктованный неумеренным любопытством, а еще бездельем.

Владан шел, ни разу не обернувшись, но я все равно держалась от него подальше. Он скрылся в овощной лавчонке, а я заняла позицию на углу здания, чтобы в случае его появления успеть спрятаться.

Прошло минут десять, я начала терять терпение. Что он там делает столько времени? Вряд ли овощи покупает, на это есть Маринка, значит, зашел поболтать с хозяином? Я переминалась с ноги на ногу, прикидывая, стоит ли подойти поближе, и едва не взвизгнула от неожиданности, почувствовав чью-то руку на своем локте. Рука принадлежала Маричу, и сам он стоял за моей спиной, сурово хмурясь.

– Привет, – расцвела я улыбкой.

– Какого хрена ты за мной увязалась? – ворчливо осведомился он.

– Ничего подобного, я просто...

– Девочка-врушка, – хмыкнул он.

– А тебе есть что скрывать? – в отместку съязвила я.

– Конечно, нет.

– Тогда я с тобой пойду.

– Куда?

– А куда ты собрался?

Он тяжело вздохнул:

– Иди домой.

– Все-таки подозрительно, что тебе так хочется от меня избавиться.

– Я уж об этом и мечтать перестал, – ввернул он.

А я сказала:

– Свинья. – И тут же добавила: – У тебя встреча, о которой я не должна знать?

– О господи! С чего ты взяла? Ладно, идем, не то ты бог знает что навывдумываешь.

Мы вернулись к офису, но заходить в него не стали. Владан направился к своей машине, и я за ним.

Через двадцать минут мы тормозили возле набережной.

– Сиди здесь, – приказал Владан, покидая джип.

– И что я здесь увижу? – скривилась я.

– А что бы ты хотела? – Он захлопнул дверь, вовсе не ожидая ответа на свой вопрос, и зашагал по аллее в сторону реки. Достиг обзорной площадки с фонтаном и устроился на скамейке.

Туристов в тот день было не много, я продолжала наблюдать за Владаном, гадая, кто сейчас появится. Оказалось, уже появился. На скамье сидел мужчина в белой футболке с газетой в руке. Когда Владан сел на ту же скамью, мужчина свернул газету и что-то ему сказал, протягивая ее. Владан сунул газету в карман своего пиджака, и они минуты две болтали, глядя на реку. Потом Владан поднялся, пожал мужчине руку и направился ко мне.

– Что это за газета? – спросила я, как только он сел рядом.

– Просто газета, – вроде бы удивился Марич.

– Ты не читаешь газет.

– Много ты знаешь.

Он завел машину и бросил газету мне на колени. Схватив ее, я тщательно просмотрела все двенадцать страниц. Ничего интересного.

– Зачем она тебе? – умоляюще спросила я.

– От комаров отбиваться, – серьезно ответил он.

– Что это был за тип?

– Старый знакомый. Хотел услышать совет.

– И что?

– Услышал. Надеюсь, теперь ты отправишься домой?

Возле офиса мы простились, и я об этой истории через час уже забыла. А сейчас вспомнила. Звонок, встреча на набережной, неожиданный отъезд Марича. Маринка бьет поклоны в церкви, а Тамара хмурит лоб и тоже крестится.

Картинка складывалась, скажем прямо, тревожная. Конечно, я не раз слышала разговоры о том, что мой босс выполняет задания спецслужб. Якобы еще с войны в Боснии, в которой ему довелось участвовать совсем мальчишкой. Его связям можно позавидовать, об этом я знала доподлинно: «знакомые» находились в самых неожиданных местах. Опять же, я не могла не обратить внимание на особое отношение к Владану сотрудников правоохранительных органов, что косвенно свидетельствовало: слухи не такие уж беспочвенные. Но за время, пока я у него работала, он впервые вот так вот исчез. Одно ясно: то, что для меня в диковинку, для Маринки и даже Тамары вещь скорее привычная. Припомнив все нюансы нашей сегодняшней встречи с соперницей, я невольно поежилась: даже подумать страшно, где Марич может быть сейчас. Схватив сумку, я бросилась в церковь и долго молилась у иконы Богородицы, очень надеясь, что буду услышана.

Теперь к тоске из-за его отсутствия прибавились страх и беспокойство. Вряд ли Маринке известно намного больше, чем мне. В любом случае расспрашивать ее бесполезно. А вдруг он надолго уехал? Лишь бы живой вернулся. И поскорее.

Я все-таки зашла к Маринке, в надежде если и не обсудить свои догадки, то хотя бы просто поговорить о Мариче, но дома ее не застала. Выходило, что делать мне в офисе действительно нечего. Решив навестить папу, я направилась к машине. Это лучше, чем метаться в четырех стенах в крайней тревоге.

Только я тронулась с места, как из подворотни показалась стайка мальчишек. Самому старшему было лет тринадцать, он шел чуть впереди. Слева от него весело подпрыгивал в такт мячу, которым он бил по асфальту, вихрастый пацан с таким веснушчатым лицом, что на ум тут же приходил домовенок из мультика. Рыжие волосы ослепительно сверкали на солнце. Никого из мальчишек я не знала, и это слегка удивило. В этом районе болтаться на чужой территории опасно. Дрались здесь отчаянно, улица на улицу, и, несмотря на юный возраст

бойцов, драки были весьма кровавые. По словам Тамары, на прошлой неделе одному из мальчишек нос сломали.

Рыжий, до того момента ловко управлявшийся с мячом, засмотрелся на мою машину, и мяч покатился под колеса, я, как на грех, увеличила скорость и сманеврировать попросту не успела, да и не было особых возможностей для маневра, разве что на тротуар вылететь, но на тротуаре в тот момент находились прохожие. В общем, судьба мяча была предreshена. Мальчишки замерли, дружно ахнув, а я с опозданием затормозила. Мяч остался на асфальте, являя собой довольно жалкое зрелище.

– Извини, – сказала я, открывая окно.

Старший отвесил Рыжему затрещину и буркнул:

– Сам виноват.

В глазах Рыжего стояли слезы, и вовсе не из-за тумака, он смотрел на бывший мяч, как смотрят на возлюбленную, с которой расстанутся навеки.

– Придурок, – в сердцах добавил старший, махнул рукой, и компания отправилась дальше по улице.

Рыжий забрал мяч, точнее, то, что от него осталось, и теперь шел позади всех, держа его под мышкой. Непонятно, что он с ним собирался делать. «Вряд ли его можно починить», – подумала я. Кстати, при других обстоятельствах данное происшествие могло мне выйти боком, здешние пацаны весьма изобретательны и мстят обидчикам люто и беспощадно. Свинтить колеса или выбить стекло у машины им ничего не стоило. Но если б они лелеяли планы мести, уже сообщили бы мне об этом. Точнее, потребовали бы новый мяч, красочно обрисовав, что будет, если я этого не сделаю. Вместо этого вину переложили на Рыжего и удалились. Их покладистость объяснялась просто: они меня узнали. Тот факт, что я работаю у Владана, решал все, делая меня для местной шпаны лицом неприкосновенным.

Происшествие немного отвлекло от тревожных мыслей о Мариче, я ехала по направлению к родительскому дому и по дороге позвонила отцу.

– Ты сегодня очень занят? – спросила я, когда папа ответил.

– Вечером у меня встреча, но могу перенести.

– Не надо. А как насчет того, чтобы пообедать вместе?

– Отличная идея. Сможешь подъехать в «Розу ветров»?

– Конечно.

– Я буду там через час.

У меня оставалось еще много времени. Ресторан находился на набережной, и я, оставив машину на парковке, решила прогуляться вдоль реки. Возвращаясь назад, я заметила машину отца, он, по всей видимости, приехал раньше, до назначенного срока оставалось минут двадцать. Не успела я обрадоваться, как наткнулась взглядом на еще одну знакомую тачку и головой покачала. Неужто папа не оставил идею помирить меня с бывшим мужем? Последнее время разговоров на эту тему он не заводил, и я успокоилась. Выходит, поспешила.

Я все-таки поднялась на веранду ресторана и сразу увидела отца в компании Забелина, они пили кофе и неспешно беседовали. Бывший сидел ко мне лицом и заметил меня раньше отца, на его физиономии появилась улыбка, с которой родители-мученики обычно взирают на неразумное чадо.

Папа повернулся и помахал мне рукой. Мой бывший супруг – редкая сволочь, но папа, к сожалению, об этом не догадывается.

Когда я еще училась в школе, Забелин меня похитил, выкуп стоил родителю кучу денег, а мне несколько лет душевных терзаний и комплексов. Похитителя я не видела, и его так и не нашли. Но однажды он сам появился в роли прекрасного принца, а я была такой душой, что втюрилась в него по самые уши. Однако через год совместной жизни у меня возникли подозрения, которые Забелин встретил с насмешкой, был уверен: влюбленная дура, то есть я, никуда от него не денется. И просчитался. Мы расстались и даже заключили что-то вроде соглашения о взаимном ненападении. Папа испытывал к зятю большую симпатию, Забелин при желании мог прикинуться отличным парнем, к тому же оказался толковым

бизнесменом, а отец всегда мечтал о сыне-наследнике, из меня-то бизнесмен вряд ли получится. В общем, огорчать его еще больше не хотелось. Забелин придумал причину для развода, которую я опровергать не стала, и остался у папы на хорошем счету. Я знала, что они продолжают видеться, мало того, у них есть совместные проекты, но по негласному уговору с отцом мы подобных встреч избегали. И нате вам.

– Привет, – сказала я, даже не пытаясь скрыть недовольство.

– Здравствуй, милая. – Папа поднялся и меня поцеловал.

Забелин вскочил и заботливо придвинул стул с видом благовоспитанного мальчика, который знает, как себя вести в обществе. Ни за что не догадаешься, что издевается. Однако, уловив момент, он мне подмигнул, мол, поиграем? Очень хотелось сказать гадость, но это бы весьма расстроило папу. Мало того что дочка-дурочка развелась с таким сокровищем, так еще и манеры у нее подкачали.

Я была уверена, Забелин продолжит развлекаться, изображая принца в изгнании, но он, вероятно, вспомнил о нашем уговоре и решил не нарываться, произнес с легкой грустью:

– Не буду вам мешать, – и поспешно откланялся, чем очень порадовал.

Папа простился с ним в высшей степени дружески и даже вздохнул, глядя ему вслед, правда, постарался сделать это незаметно. Для меня загадка, как мой отец, человек умный и, безусловно, хорошо разбирающийся в людях, до сих пор не понял, с кем имеет дело. То ли Валерка актер от Бога, то ли все мы готовы обманываться, лишь бы сохранить выстроенный нами мирок, где все привычно и понятно.

Папа, заметив мой взгляд, сказал ворчливо:

– Я не нарочно.

– Надеюсь, – кивнула я. – Сводить нас с Забелиным довольно глупая затея.

– Хотелось бы знать почему?

– Мы это уже обсуждали.

– Вот уж неправда, – продолжил ворчать отец. – Остается лишь догадываться о причине твоей стойкой неприязни к мужу.

– К бывшему мужу, – поправила я, а папа не отказал себе в удовольствии съязвить:

– К сожалению. И не смотри так. С Валерой мы встретились еще час назад и до твоего прихода собирались расстаться. Ты пришла чуть раньше.

– Извини.

– Не говори глупостей. Расскажи лучше, как твои дела?

– Плохо, – вздохнула я.

– Что случилось? – насторожился отец.

– Марич отправил меня в отпуск. И я понятия не имею, чем себя занять.

– А сам он тоже отдыхает? Со своей подружкой? Тебя действительно устраивают ваши... как бы это помягче... необычные отношения?

– Папа, что здесь необычного? Я его люблю, а он меня нет. Ты что, никогда о таком не слышал?

– Прости, но это какая-то блажь, так же как и твоя работа. С твоим дипломом... – Тут отец махнул рукой и добавил мягче: – Может, ты пока у меня поработаешь? Временно, раз уж твой Марич в отпуске?

– Меня вполне устраивает моя работа, просто без Владана мир блекнет и тоска наворачивается. Ты не поверишь, но я вполне счастлива, папа. Лишь бы он поскорее вернулся.

Отец покачал головой и вздохнул:

– Может, подобные чувства и хороши для романов, но для своей дочери я бы хотел семейного счастья, заботливого мужа и детишек, двух, а лучше трех. Я мечтаю стать дедом, и твоя несчастная любовь попросту пугает. Одно утешает: когда-нибудь она должна закончиться.

– Все когда-нибудь кончается, – не стала я спорить.

Подошел официант, мы с папой сделали заказ и продолжили разговор, избегая темы Владана и моей работы. Согласия в этом вопросе мы не достигнем, а аппетит друг другу портить не хотелось.

– Если уж у тебя отпуск, ты могла бы съездить куда-нибудь, – сказал отец.

– Может, и съезжу. Попозже.

– Будешь сидеть в офисе? – нахмурился он. – Какой в этом смысл? Ладно, делай как знаешь.

Я мысленно вздохнула, беда как раз в том, что делать мне совершенно нечего. Может, Маринку в кино позвать?

Часа через полтора мы простились с папой, после обеда немного прогулявшись по набережной.

После недолгого размышления я отправилась в офис. Еще раз вытерла пыль, вымыла полы и разобрала бумаги, в основном платежки за коммунальные услуги. Подумала, что Маринка уже должна вернуться. Только собралась звонить ей, как она сама появилась. Входная дверь хлопнула, а вслед за этим Маринка заглянула в кабинет.

– Все сидишь? – спросила хмуро.

– Тебе-то что за дело, скажи на милость?

Приглашать ее в кино тут же расхотелось.

– Денег у тебя куры не клюют, – продолжила Маринка. – Могла бы найти себе развлечение.

– Свой первый миллион я еще не заработала, – съязвила я. – А у папы брать принципиально не хочу. А ты где-нибудь отдохнуть не желаешь?

– Обязательно. Отдохну вместе с Владаном, – в ответ съязвила Маринка, но уходить не спешила, из чего я сделала вывод: ей так же тошно, как и мне.

Налив воды в чайник, я дождалась, когда она закипит, заварила чай, разлила по чашкам и одну подала Маринке.

– Конфеты есть? – буркнула соперница.

– Варенье. Владан не любит конфеты.

– Варенье он тоже не любит. Давай что есть.

В молчании мы выпили чаю.

– Ты правда не знаешь, где он? – все-таки спросила я. Она лишь головой покачала. – Он недавно встречался с каким-то типом...

Маринка в ответ на эти слова кивнула.

– Часто он так исчезает?

На этот раз она пожала плечами:

– По-разному. В прошлом году часто, а в этом – первый раз. Ты особо об этом не болтай, уехал и уехал.

– Тамара, похоже, догадывается.

– Шила в мешке не утаишь, но все равно помалкивай. Пойдем в кино сходим, что ли? – поднимаясь, предложила она. – Вот почему так: то времени хронически не хватает, а он уехал, и дел вроде никаких.

С этим я вынуждена была согласиться. И мы отправились в кино, а потом еще с час гуляли. Вечер был теплым, небо звездным, грех дома сидеть. Наш променад без внимания не остался, соседи маячили в окнах, прохожие оборачивались. Мысли у тех и других легко читались на физиономиях, по идее, мы должны друг друга не жаловать (в этом я, кстати, с гражданами была согласна), а мы прогуливаемся чуть ли не под ручку.

– Хочешь, у меня оставайся, – сказала Маринка, когда я собралась домой.

– Спасибо, – ответила я, решив, что это уже слишком.

Она что думает, я брошусь под ближайший паровоз? В общем, я отправилась домой. Часов до двенадцати читала любовный роман, а потом болтала по скайпу с подружкой. У нее, кстати, бывают видения, и в одном из них, случившимся на днях, я, веселая и, само собой, счастливая, шла под руку с мужчиной. Надеюсь, с Владаном, все прочие меня совсем не интересуют. Убедив себя, что это хороший знак, я отошла ко сну в умиротворенном состоянии духа.

Утром по дороге в офис я обратила внимание на витрину магазина спорттоваров и вспомнила о мяче, закончившем существование под колесами моей машины. Заехала на парковку и пошла покупать мяч. На то, чтобы выбрать достойный экземпляр, потратила примерно полчаса и к офису подъехала с заметным опозданием.

Тут меня ждал сюрприз. На ступеньках сидел Бад, то есть Басаргин Алексей Дмитриевич. Прозвище Бад он получил по первым буквам фамилии, имени и отчества. Оно прилепилось к нему еще в детстве, когда он сколотил банду на своей улице. В отличие от Владана этот район Бад давно покинул, жил в шикарной квартире в самом центре, и, если верить его словам, веселое, как он выражался, прошлое осталось далеко позади. Теперь он бизнесмен и законопослушный гражданин. С первым я согласна, второе вызывало сомнение, правда, робкое, потому что, сказать по правде, о делах Бада я ничего не знала. С Владаном они дружили с тех пор, как себя помнили. С годами дружба их лишь крепла, но несколько лет назад жизнь развела их далеко и, казалось, навсегда.

По крайней мере, Владан бывшего дружка знать не желал. О причинах я кое-какое представление имела, оттого далеко не все претензии Владана казались мне обоснованными. Но теперь и здесь наметились перемены. Под ручку, как вчера мы с Маринкой, они не ходили, но пиво пару раз уже пили, о чем я знаю доподлинно.

Мои отношения с Бадом можно было назвать дружественно-ироничными. Он любил надо мной подтрунивать, а я в ответ дерзила, чем повергала в изумление ту же Маринку: никто на обозримом пространстве ничего подобного позволить себе с Бадом не мог.

В общем, его появление тем утром не было громом среди ясного неба, учитывая наметившееся улучшение отношений между ним и моим боссом. Но удивление все же вызвало, если сидит он в это утро не в своем офисе, а рядом с нашим, значит, тому должна быть весомая причина.

Увидев меня, Алексей улыбнулся, щурясь на солнце, солнцезащитные очки он сдвинул на лоб и сказал, кивнув на мяч в моих руках:

– Поиграем?

– Я умею только в «лягушку», – ответила я, садясь рядом с Бадом, и положила мяч на ступеньку.

– Научишь?

– Ты по делу?

– Соскучился, – усмехнулся он.

– Придется еще поскучать, Владан решил немного отдохнуть.

– От непосильных трудов?

– Нет, от нас с Маринкой. По крайней мере, именно это было в его записке, а сомневаться в словах босса – дурной тон.

– Поэтому у тебя мордаха грустная? – проявил любопытство Бад.

– Мордаха просто помятая, сериал до утра смотрела.

– Какой?

– Дурацкий.

– Понятно. Не переживай, вернется твой работодатель целым и невредимым, разве что немного загорелым.

– Почему? – насторожилась я.

– Что «почему»? – нахмурился Бад, изображая недоумение.

– Почему загорелым? Ты ведь это не просто так сказал?

– О господи...

– Ты знаешь, где он?

– Понятия не имею.

– Врешь. Знаешь.

Мы понемногу начинали скандалить, и тут Алексей махнул рукой в досаде.

– Угрозило брякнуть. Клянусь, я ничего не знаю, просто... предполагаю. Где сейчас самая большая заваруха?

– Ты думаешь... – ахнула я, а он перебил:

– Все. Отстань от меня. Вернется Серб, у него и спросим, где его носило. Между прочим, я заехал тебя проведать, соскучился. По тебе, а не по Владану.

– А кто говорил, что я зануда?

– Я соскучился по твоему занудству. Вечером поужинаем вместе?

– Лучше в кино пойдем.

– Если хочешь... – поскуцнев, пожал он плечами. – Почему в кино-то?

– Вчера с Маринкой ходили, сегодня с тобой. Голливуду за нами не угнаться.

– По мне, так хорошая пьянка с элементом легкого дебоша тебе точно не повредит. Опять же, я рассчитываю тебя соблазнить. Самое подходящее время, пока этого типа где-то носит. Надеюсь, ты в своих поползновениях на его горячее тело особо не продвинулась?

– Не каркай, гад. Я не теряю надежды.

– Я тоже. Вчера сон видел, веду тебя под венец, ты вся такая красивая, в белом с переливами, и я рядом тоже ничего.

– Мне по пьянке тоже, бывает, кошмары снятся, – ответила я, но слегка запаниковала, вспомнив сон подруги. – Надо меру знать, не то чего и похуже привидится.

– Я был счастлив. Но недолго. Если честно, там было продолжение: появился Серб, взял тебя за руку и к алтарю повел, а мне сказал «перетопчешься». Вот ведь свинство.

– Такой сон мне нравится, – прониклась я. – Вот так бы спала круглые сутки и с ним к алтарю ходила.

– Как насчет ужина?

– Я на диете. Осчастливь кого-нибудь другого, то есть другую, я хотела сказать.

– Ты разбила мне сердце, – вздохнул Бад. – Я одинок и бесконечно несчастлив...

– Хватает совести морочить людям голову, – в тон ему продолжила я. – Уверена, девушек у тебя полтора десятка. Блондинки, брюнетки и рыжие – под цвет разных галстуков.

– Пальцем в небо. Последняя оказалась бритой наголо. Не подходила ни под один мой костюм. Пришлось с ней проститься. А жаль, хорошая была девушка.

– Может, мне тоже побриться? Владан решит, что я неизлечимо больна, и выполнит заветное желание.

– Давай я его выполняю?

– Давай ты куда-нибудь пойдешь... – Я поднялась, и Бад, смеясь, тоже.

– Мячик тебе зачем? – спросил он, взяв мяч из моих рук, и принялся стучать им об асфальт.

– Пацану одному задолжала.

– Так как насчет ужина?

– Подумаю.

Он вернул мяч, поцеловав меня в лоб, и пошел к своей машине, оставив гадать: зачем он приезжал? Слух о Владане и до него дошел, вот и решил проверить?

– Если ни один костюм не подойдет, я готов ходить голым, – крикнул он, уже садясь в машину, а я помахала ему рукой.

В офисе я в очередной раз занялась уборкой. По чистоте кабинет теперь мог соперничать с операционной, но при всем старании занять себя больше чем на два часа я не смогла, с ужасом думая, что впереди целый день. Бог знает, сколько еще таких дней осталось до возвращения Владана. Хотя бы какой-нибудь потенциальный клиент пришел, все веселее.

Я то и дело поглядывала в окно, надеясь обнаружить вчерашних мальчишек. Улица точно вымерла.

Ближе к обеду я отправилась к Тамаре, есть не хотелось, однако выпить кофе и немного поболтать я была не против. Когда я переходила дорогу, в конце улицы показался знакомый мальчишка. Стоя возле дверей бара, я дождалась, когда он приблизится.

– Привет, – сказал он, протягивая мне руку.

С серьезными людьми принято за руку здороваться, здешние мальчишки этому правилу следовали, что лично у меня вызывало хорошо скрываемое умиление. Само собой, я оказалась в числе «серьезных» людей благодаря Владану, а не за собственные заслуги, которыми вряд ли обладала с точки зрения местных, что, кстати, совершенно справедливо.

Алику было одиннадцать, ростом он похвастать не мог, доставал мне до плеча, но, безусловно, чувствовал свое превосходство, будучи мужчиной, то есть сильнее и парадоксально старше. С этим точно ничего не поделать, и я давно смирилась, хотя иногда очень хотелось дать затрещину «настоящим мужчинам» вроде Алика.

– Привет, – ответила я, максимально крепко пожав протянутую руку.

– Владан надолго уехал?

«Ну что за район?» – подумала я, а в ответ сказала:

– Кто ж знает.

Алик, сурово нахмурясь, кивнул с пониманием:

– Ну, помогай, Господи, – выдал он, повторяя где-то услышанную фразу.

Я удивилась, не удержавшись, спросила:

– Ты вроде мусульманин, нет?

– Бог един, – заявил Алик с видом заправского проповедника. – А молиться Ему каждый может, как считает нужным. Это, кстати, Владан сказал.

– Ну, если Владан сказал... – вздохнула я.

Об особом здесь отношении к Маричу я уже говорила, однако Алик принадлежал к той категории местных, которые считали моего босса практически святым, и то, что он по улице ходит без нимба над головой, лишь свидетельствует о его скромности и равнодушии к головным уборам.

Если честно, у Алика был для этого повод. Год назад у мальчишки заболела мать, Владан оплатил дорогостоящую операцию. Алик, пока мать была в больнице, жил у родни, но Владан навещал его каждый день, убеждая, что с матерью будет полный порядок. К счастью, все так и закончилось. Только не подумайте, что у моего работодателя тут одни друзья и почитатели, врагов тоже предостаточно.

Наконец я решила отвлечься от личности Марича и перейти к насущному:

– Вчера пацанов здесь видела. Чужих.

– Чужих? – переспросил Алик, в оригинале это должно было звучать как: «без объявления войны враг вторгся на нашу великую Родину...» и далее по тексту. Чужие тут и правда не ходили без особой к тому нужды, в основном в целях собственной безо-пасности.

– Да, – кивнула я. – Я у них футбольный мяч раздавила нечаянно.

– А-а, – обрадовался Алик. – Вчера за школой товарищеский матч был.

– Наши выиграли?

– Продули. Два ноль. Правильно ты этим гадам мяч раздавила.

– Мячи давить в отместку неспортивно. Так, кстати, Владан сказал. А с кем играли?

– С Барсами.

У уличных банд названия были одно другого цветистее, к счастью, ничем особо предосудительным они не занимались, с поправкой на то, что драки, мелкое хулиганство и воровство, тоже мелкое, здесь считалось нормой.

– Они откуда?

– Со Дна.

Тут надо пояснить: район, раскинувшийся вокруг старого рынка, в народе прозывался Ямой из-за своего специфического месторасположения, и название это вполне оправдывал уже совсем в ином смысле. Похоже, власти на него давно рукой махнули. Дно – самая низкая точка Ямы, трущобы, вплотную примыкающие к рынку, что-то сродни фавелам, туда даже местные старались не заглядывать, а шпана считалась и вовсе отморозенной. Неудивительно, что наши парни продули, «водолазы», как звали обитателей Дна, наверняка устроили настоящее побоище.

– У них там Рыжий есть такой, с веснушками. Он мяч нес.

– Рупа, – кивнул Алик.

– Это прозвище?

– Не-а, имя.

– Ладно заливать. Нет такого имени.

– Говорю тебе, есть.

– Допустим, хотя пацан на русского похож. Откуда такая экзотика?

– На рыжее чучело он похож, – хмыкнул Алик. – А русский или нет... Они ж там все вперемешку живут, ты знаешь. Зовут Руперт, это совершенно точно.

«Господи, – мысленно ахнула я. – Как он тут с таким именем и сумасшедшей мамашей в придачу?»

– А мяч ему вроде отец подарил. Хотя никакого отца у него сроду не было. И вдруг нате вам. Рупа на этот мяч только что не молился.

– Отцы иногда появляются, – заметила я миролюбиво, Алик зло хмыкнул.

– Ага. Мамаша кого-нибудь нашла. Сначала мячи дарят, а как приживутся, одни подзатыльники. У Вована из тридцать седьмого дома теперь тоже отец. Вован вторую неделю на чердаке живет.

– Рупу где найти можно?

– Зачем?

– Мячик отдать.

– Здесь он точно не появится.

– Вот и спрашиваю: где его искать?

– Ты дура, что ли, на Дно соваться? – возмутился Алик. – Там одни чокнутые. Без мяча проживет. Вот Владан вернется, тогда и отдашь. Кстати, нам бы мяч тоже не помешал.

– Ваш я не раздавила, так что перебьетесь.

Я отправилась к Тамаре, а Алик пошел дальше по улице.

– О чем с Аликом болтала? – спросила толстуха, лишь только я устроилась за стойкой. Любопытством она отличалась прямо-таки патологическим.

– Спрашивала про одного мальчишку. Я у него вчера мячик раздавила нечаянно.

– Кто-то из наших?

– Алик говорит – из «водолазов».

– Уж не хочешь ли ты туда отправиться? – фыркнула она.

– Между прочим, – разозлилась я, – это просто городской район. Да, не самый лучший, но там живут такие же люди, как и мы.

– Такие люди, как ты, живут в особняках вдоль реки. У твоего папы домишко там находится? А квартира у тебя в самом центре.

– И что? – хмыкнула я.

– А то...

После этих слов захотелось немедленно на Дно отправиться, однако здравый смысл победил. Болтаться одной по тамошним трущобам не самое разумное занятие. Как же я тогда мяч передам? Я отложила решение этого вопроса на следующий день, но ничего толкового в голову так и не пришло.

К вечеру объявился Бад, и мы отправились ужинать. Напиваться не стали, но время провели приятно. Пару раз я задавалась вопросом: Бад со мной мил и предупредителен из большой дружбы с Владаном или я ему и в самом деле нравлюсь? Выходило по-разному, то мне казалось, что нравлюсь, то становилось очевидным: это просто дружеский треп, и ничего больше. Впрочем, не так уж меня интересовал ответ.

Моя машина осталась возле офиса, куда мы и вернулись ближе к полуночи. Я отправилась домой, Бад сопровождал меня на своем «БМВ», дождался, когда я войду в подъезд, но уехал не сразу, а лишь после того, как я включила свет в кухне и подошла к окну. Он мигнул фарами и отчалил, а я подумала: Бад считает своим долгом, пока Владана нет, меня оберегать и даже развлекать. А может, это Владан его попросил?

Мысли о Марице вызвали привычное беспокойство, и я, прежде чем лечь спать, долго молилась, взяв с полки купленный в церкви сборник, где оказались молитвы на все случаи жизни.

Последующие дни мало чем отличались друг от друга. Днем я мучилась от безделья, завтракала с Маринкой, обедала с Тamarой. Вечером приезжал Бад, и мы отправлялись в ресторан, в кино, гуляли по набережной. А один раз даже были в театре. Маринка по утрам непременно интересовалась, где мы были накануне, и сияла, как медный чайник. На предложение присоединиться к нам отвечала решительным отказом. Надо полагать, не теряла надежды, что я брошусь в объятия Басаргина и угроза ее счастью наконец исчезнет. Зря надеется. Но огорчать ее не хотелось, и подобные мысли я держала при себе.

Прошла неделя. Мяч лежал в офисе неммым укором. Самый простой способ передать его рыжему Руперту – попросить об этом кого-то из мальчишек. Хоть того же Алика. Самый простой, но не самый разумный, учитывая их страсть к дракам.

От безделья я отправилась с папой в Санкт-Петербург. В результате в офисе я появилась лишь через пять дней. Вошла, взглянула на пустующее кресло, где обычно сидел Владан, и заревела. Его нет две недели, уже две недели, а может, всего две. Тут взгляд мой метнулся к мячу, и я решила доставить его немедленно, тем самым наполнив свою жизнь смыслом, дабы окончательно не расклеиться. Взяла мяч, направилась к двери и, уже стоя на ступеньках, подумала: ехать на машине? Или лучше пешком? Моя машина в глаза бросается, как американский флаг в российской глубинке. Граждане Дна живут по старинке, с шиком раскатывая на кое-как залатанных «Жигулях», а «Волга» все еще считается показателем благосостояния.

Держа мяч под мышкой, я пошла в сторону рынка, убеждая себя, что совершенно ничем не рискую. Белым днем никто ко мне цепляться не станет, это глупо. Вечером, когда все по домам попрячутся, – другое дело. Подбадривая себя подобным образом, я и не заметила, как достигла Дна. Пересекла невидимую границу, слегка удивляясь дурной славе этих мест: никаких отличий от привычного пейзажа. Те же дома, что и два квартала позади, те же магазинчики, торговля с лотков, сквер с поломанными скамейками и перевернутыми урнами. Мусора на тротуарах примерно столько же. Окна, выходящие на проезжую часть, такие же грязные. Коты на подоконниках, бродячие собаки, в общем, ничего особенного.

Я глазела по сторонам в надежде увидеть мальчишек, неважно, кто это будет. Уверена: здесь все друг друга хорошо знают. Довольно скоро мне повезло. Заглянув в один из дворов, я заметила играющих детей: двух девчонок лет семи

и мальчика помладше.

– Вы Рупу знаете? Рыжий такой? – спросила я. Мальчик с интересом разглядывал мяч в моих руках, девчонки дружно кивнули. – Где его найти?

Девчушка с короткой стрижкой ответила:

– Я покажу, – и пошла в сторону покосившихся сараев, сказав подруге: – Я быстро, ты за братом смотри. Мяч Рупе? – принялась расспрашивать моя провожатая, ныряя в жуткого вида подворотню. – Значит, это ты его мяч раздавила?

– Я.

– Он здорово переживал. Отцовский подарок. Пацаны его дразнят, что отец не настоящий. Ну и что? Хоть такой. Мяч купил. А отцы почти у всех не настоящие. У меня тоже. Ну, не тот, кто нас родил.

Я не знала, чему изумляться больше: разумности доводов совсем юной особы или убогости строений, мимо которых мы проходили. Это даже трущобами не назовешь, настоящие развалины. Прогнившие рамы, осыпавшая штукатурка, латанные-перелатанные крыши и удобства во дворе. И это практически в центре губернской столицы, в двадцать первом веке.

На колонке (водопровод здесь был не у всех) женщина полоскала белье, перекладывая его из одного таза в другой.

– У нас вода есть, – проследив мой взгляд, с гордостью заявила девчонка.

– Далеко нам еще? – спросила я, вдоволь насмотревшись на местные достопримечательности.

– Не-а, они на пустыре, совсем рядом.

Пьяный мужик сидел на покосившемся крыльце, толстая баба остервенело била его по голове тапкой, он пытался увернуться, чем еще больше выводил ее из себя.

– Она дурная, – прокомментировала девчушка.

Тетка вдруг повернулась и заорала громко:

– Чего уставились!

Я сочла за благо ускорить шаг, машинально взяв девочку за руку.

«Ужас, – билось в мозгу. – Как можно здесь жить?»

И тут некстати вспомнила слова Тамары.

«Это их жизнь, – подумала в досаде. – И уж точно не мне их судить».

Девчушка тянула меня за собой.

– Сказала ведь, она дурная, – произнесла нетерпеливо, и мы быстрым шагом отправились дальше.

Еще одна подворотня, и мы наконец оказались на пустыре, довольно большом и, странное дело, не захламленном. Его приспособили под футбольное поле. Вместо ворот столбы с перекладиной, по импровизированному полю бегали два десятка мальчишек, на перевернутых ящиках сидели трое ребят постарше, курили, наблюдали за игрой.

– Вон Рупа, – ткнула девочка пальцем в одного из игроков, причем, я его уже заметила, что немудрено: рыжая шевелюра бросалась в глаза даже на расстоянии. – Тетя, ты мне мороженое купишь? – подергав меня за руку, спросила девочка.

– Да, конечно.

– Мне идти надо, – сказала она.

Я полезла в кошелек, достала купюру и протянула ей:

– Купи мороженое себе и подружке с братом.

– Спасибо. Дорогу найдешь?

Она уже бежала к подворотне, не дожидаясь моего ответа, а я, держа мяч под мышкой, наблюдала за игроками.

Очень скоро на меня обратили внимание те самые ребята постарше. Один из них громко свистнул, игроки дружно повернулись в его сторону, игра разладилась. Воспользовавшись этим, я крикнула:

– Рупа! – и помахала ему рукой.

Рыжий посмотрел на меня, перевел взгляд на троицу подростков и нерешительно направился в мою сторону. Вслед за ним и остальные, в том числе трое курильщиков. Я почувствовала легкое беспокойство, вполне вероятно, уйду отсюда без мобильного. Денег в кошельке кот наплакал, потеря невелика... Первое правило улицы: хочешь выжить – не показывай, что боишься.

Мальчишки подошли совсем близко.

– Привет, – сказала я, обращаясь к Рупе и делая вид, что остальных просто не замечаю. – Я тебе мяч принесла. Извини, что так вышло.

Мальчишка смотрел в нерешительности.

– Он сам виноват, – сказал один из подростков, наклонился к Рупе и что-то шепнул ему на ухо.

Тот взял мяч, кивком поблагодарив. Тот же парень отвесил ему подзатыльник.

– Язык проглотил от счастья?

– Ты с руками поаккуратней, – посоветовала я, парень усмехнулся, но промолчал.

А Рыжий буркнул:

– Спасибо.

– Пока, – сказала я и зашагала туда, где несколько минут назад скрылась девочка.

Мальчишки приступили к игре, а у меня появился провожатый, тот самый любитель раздавать подзатыльники. Он шел за мной, держась на расстоянии, но это совсем не успокоило.

«В конце концов, он почти ребенок, – думала я. – Как-нибудь справлюсь».

Очень скоро стало ясно: я умудрилась заблудиться, должно быть, размышляя, чего стоит ждать от жизни, пропустила нужный поворот. Переулок был точно незнакомый. Из пяти домов два заброшенных, и ни души вокруг. Куда идти, налево, направо? Я свернула направо, но вскоре выяснилось: там тупик. Пришлось возвращаться. Мальчишка стоял, привалившись к стене дома, сунув руки в карманы джинсов, что-то насвистывал, поглядывая в небо.

Когда я поравнялась с ним, он позвал:

– Эй, тебя Полиной зовут?

– Да. А тебя?

– Виктор, – он протянул руку, и я ее пожала. – Хотя все зовут Котом, у меня фамилия Котов.

– Виктор мне все-таки нравится больше. – Страх мой исчез, как только парень произнес мое имя. Он меня знает, точнее, знает, у кого я работаю, так что можно не волноваться.

– Ты заблудилась, что ли?

– Похоже, что да.

– Понятно. А я смотрю, носишься как ошпаренная, туда-сюда... Тебе куда надо?

– К «Продуктовому» на углу Семашко, там уж точно не заблужусь. Ты решил меня проводить?

– Конечно, решил. Ты особо по подворотням не болтайся. Район у нас, сама знаешь...

– Я подумала, днем безопасно.

– Для своих и вечером нормально, но лучше не рисковать. Мало ли придурков.

Мы достигли конца переулка, когда из подворотни показалась женщина. Длинные темные волосы падали на лицо, она была босая, в ситцевом платье в мелкий цветочек. Держась за стену, сделала несколько неуверенных шагов. Я решила, что она пьяная, и уже хотела отвернуться, картины здешней жизни порядком утомили, но тут заметила, что руки у нее в крови. Не только руки, босые ноги тоже окровавлены.

Я шагнула к ней, а Виктор сказал:

– Не связывайся, она небось в отключке.

Женщина, услышав голос, медленно повернулась, а потом начала оседать на землю, беззвучно шевеля губами. Лицо было таким бледным, точно из ее тела выкачали всю кровь, глаза казались черными впадинами. Под левой грудью ткань платья пропиталась кровью. Не обращая внимания на слова Виктора, я попыталась ее поддержать и смогла смягчить падение. Тело женщины завалилось вправо, и она, вздохнув, как будто с облегчением, закрыла глаза.

Виктор не сводил взгляда с кровавого пятна и хмурился.

– Отлепись ты от нее, – буркнул он. – В крови извозишься.

– Надо «Скорую» вызывать, – бестолково шаря руками в поисках мобильного, пробормотала я. – У нее, кажется, серьезное ранение.

– Ага, – кивнул он. – Кто-нибудь пырнул по пьянке. У меня мать в прошлом году батю ножом так отоварила, кровящи было будь здоров. Думали, загнется, а он

ничего, очухался. Пьет больше прежнего.

Мобильный я наконец нашла и набрала номер «Скорой». Если бы не Виктор, общаться с ними было бы затруднительно, объяснить, где нас следует искать, я бы точно не смогла. Он взял у меня телефон, назвал адрес и добавил:

– Шевелись, а то она копыта отбросит.

Он вернул мне мобильный и присел рядом на корточки, косясь на женщину.

– Вроде дышит.

– Мать посадили? – спросила я в надежде отвлечься от жуткого зрелища.

– Чью? – не понял Виктор.

– Твою. Ты сказал, она отца ножом...

– А-а... не, не посадили. Батя наплел, что хулиганы возле магазина напали, типа пузырь не поделили.

– Благородно, – подивилась я.

– Батя не дурак, если мать сядет, кто его кормить-то будет? Уж точно не я. Полина, – вдруг посуровел он. – Я, пожалуй, пойду. Доктора ментов вызовут, они потом в гроб вгонят своими вопросами, да и не жалую я ментов-то. А они, если честно, меня.

– Ты ее раньше не видел? – все-таки спросила я.

– Нет, не видел. Я думал поначалу, она бомжиха, домов здесь брошенных полно, они там селятся. Поскандалили, и схлопотала баба перо под сердце. Но бомжы тупые предметы предпочитают, да и она на синюху не похожа, лицо даже симпатичное.

Я посмотрела на женщину и согласно кивнула. Волосы очень темные и не похоже, что крашенные. Лицо восточного типа, разрез глаз, форма носа. Я попыталась прикинуть, сколько ей лет. Не больше тридцати пяти. Скорее всего, она гораздо моложе, мертвенная бледность и круги под глазами, понятное дело, не молодят.

Виктор выпрямился и сказал немного виновато:

– Я пошел.

– Иди. Спасибо тебе!

Он махнул рукой и скрылся в подворотне, а я сунула женщине под голову свою сумку и робко позвала:

– Вы меня слышите?

Понять, слышит или нет, было невозможно. Подумав, я позвонила в полицию, дежурный разговаривал со мной так, точно я сознательно отравляю ему жизнь, а когда услышал адрес, и вовсе чертыхнулся.

– Дождитесь машину, – пробормотал нервно и отключился.

Только я убрала мобильный, как увидела бабулю, она не спеша шла навстречу с хозяйственной сумкой в руках. За пятнадцать минут это первый прохожий.

– Пьяная, что ли? – поравнявшись со мной, спросила она, кивнув на женщину, и тут же нахмурилась, заметив кровавое пятно под грудью. – Кто ж ее так?

– Не знаю. Она вот отсюда вышла, – ткнула я пальцем в подворотню.

– Помрет, – буркнула бабка, а я разозлилась.

– С чего вы взяли?

– Вижу.

– Вы, случайно, не знаете, кто она такая?

– А мне, милая, чужая жизнь неинтересна, себя не люблю показывать и на других не смотрю. Тут всяких-разных пруд пруди, всех не упомнишь.

Однако уходить она не спешила, за что я была ей благодарна. Вскоре появилась еще одна местная жительница. Женщины живо обсуждали происшествие, и я вновь поинтересовалась, не знают ли они пострадавшую. Ответ получила отрицательный. Наконец подъехала «Скорая», из машины вышел врач, мужчина лет сорока. Не сказав ни слова, склонился к лежащей на асфальте женщине, проверил пульс, приподнял веки. Пока он все это проделывал, и полицейские пожаловали. Мужчин было двое, один из них спросил, обращаясь ко мне:

– Это вы звонили?

– Да. Женщина вышла вот отсюда, еле на ногах держалась. Я сначала подумала, что она пьяная. Пока кровь не увидела.

– Кто-нибудь ее знает? – теперь полицейский обращался к бабкам. Те молча покачали головами.

– Она мертва, – выпрямившись, произнес врач.

– Как же так... – начала я, он молча пожал плечами.

И, только проходя мимо полицейских, добавил:

– Нам здесь делать нечего...

«Скорая» уехала, один из полицейских стал звонить по телефону, второй задавал вопросы. Бабки хоть и сообщили, что ничего не видели и не слышали, так как пришли позднее, но отправляться по своим делам не торопились.

– Идемте в машину, – предложил мне полицейский.

Он устроился в водительском кресле, положив планшет на руль, я села рядом. Мой рассказ занял не больше пяти минут, вместе с его вопросами мы уложились

в пятнадцать. За это время подъехала машина, в нее загрузили тело женщины. Полицейский посмотрел на меня с сомнением и сказал:

– Если возникнут вопросы, вам позвонят. А сейчас идите домой и чего-нибудь выпейте. На худой конец валерьянки. Но лучше коньяка.

– Обязательно, – кивнула я, не особо оценив чужую заботу. – Может, мне стоит дожждаться опергруппу? Следователь наверняка захочет поговорить со мной?

– Захочет, так позвонит, – пожал полицейский плечами с таким видом, что расследование, да и само существование следователей, начало вызывать сомнения.

Оттого, покинув машину, торопиться домой я не стала, а присоединилась к женщинам. К тому моменту их количество возросло до четырех человек, и в последующие двадцать минут к нам примкнули еще семь прохожих, двое мужчин и пять женщин разного возраста. Я пожалела, что не сделала фотографию погибшей женщины. Вдруг кто-то из присутствующих ее бы узнал?

Наконец появилась машина с двумя мужчинами в штатском. Выслушав краткий рассказ полицейского, который до того беседовал со мной, они принялись осматриваться без особого интереса, один скрылся в подворотне, а второй направился в дом напротив. Выглядел дом развалюхой, но, судя по шторам грязно-серого цвета, там могли обитать люди. Поняв, что ничего интересного не ожидается, народ начал расходиться, и вскоре я осталась в одиночестве.

Когда один из следователей вернулся, полицейский кивнул в мою сторону и сказал:

– Девушка труп обнаружила, то есть тогда еще не труп.

Мужчина подошел и выслушал мой рассказ, время от времени кивая.

– Вы здесь живете? – спросил он, когда я закончила.

– Нет, работаю неподалеку. Просто проходила мимо...

Он сунул мне в руки визитку.

– Если от кого-то из местных узнаете об убитой, позвоните.

Я согласно кивнула, сказала «до свидания» и отправилась восвояси. На душе было скверно. Не только из-за того, что вдруг пришлось столкнуться со смертью. Зрела уверенность, что эта трагедия затеряется в десятке себе подобных, говоря попросту, вряд ли кто-то из следаков, с кем довелось сегодня встретиться, будет искать убийцу.

Я прошла пару кварталов, когда услышала за спиной негромкое:

– Эй!

Повернулась и обнаружила Витьку. Оглядываясь, он быстро подошел ко мне.

– Ну, что там? – спросил он почему-то шепотом.

– «Скорая» приехала поздно. Женщина умерла.

– Ты ментам про меня не рассказала?

– С какой стати? Особо любопытными они не выглядели, – вздохнула я.

– Понятно, – кивнул Витька. – Сто процентов «глухарь».

– Почему ты так думаешь?

– Сама прикинь: место там гиблое, живет всякая рвань да срань, как мамуля любит выражаться. Ментам надо во всем этом копать? Кто кого пырнул по пьяни...

– Алкоголем от нее не пахло, и на бомжиху она не похожа, ты сам сказал.

– На английскую королеву тоже.

– Королева-то здесь при чем?

– При том, что из-за какой-то непонятной бабы никто не будет напрягаться.

– Вообще-то это их работа.

– Ха-ха, очень смешно, – скривился Витька.

– В конце концов, у нее есть родственники. Должны быть. В общем, полицейским придется заняться своей работой.

– Это смотря какие родственники. Взять батю моего, к примеру, он вряд ли скоро заметит, что кого-то из членов нашей дружной семейки не стало. Вдруг ей тоже с родней повезло?

– У меня к тебе просьба, – немного подумав, сказала я. – Об убийстве наверняка разговоры пойдут, вдруг услышишь что интересное. Ведь где-то эта женщина жила, кто-то ее знал или хотя бы видел.

– Ментам помогать не стану, – плюнув себе под ноги, заявил Виктор, а я головой покачала.

– Кто говорит о ментах?

– Думаешь, Владан... Так ведь он уехал, разве нет?

– Уехал. Ненадолго.

– Я слышал, он за работу дерет втридорога.

– Из любого правила есть исключение, – заявила я, хотя Виктор, конечно, был прав: здешним обитателям услуги Владана не по карману.

– Понятно, – кивнул Витя. – Это его земля, а на своей земле нельзя позволять кому попало баб резать.

– Точно, – с готовностью согласилась я, в очередной раз дивясь своеобразной логике обитателей Ямы. Баб, выходит, резать можно, но не кому попало, а исключительно своим. Идиотизм, ей-богу.

Витька пожал плечами:

– Ладно, если что узнаю, сообщу.

– Запиши мой номер... – заторопилась я.

– Без надобности, я знаю, где тебя найти.

Он проводил меня до перекрестка, где мы и расстались. Через двадцать минут я вошла в офис и тут же почувствовала себя сиротой. Куда разумнее домой отправиться, но я упорно таращилась в окно и пила чай в больших количествах за неимением других дел.

Часа в три отправилась в кафе напротив, уверенная, что слухи об убийстве уже распространились.

– Новости есть? – бодро спросила я, получив стакан молочного коктейля.

– А то не знаешь, – фыркнула Тамара.

– О чем?

– О бабе, которую зарезали. Ты ж ее нашла. Ты да этот малахольный Витька.

– Почему малахольный?

– Потому что с мелкотой в футбол играет, он у них вроде тренера.

– А тренер непременно малахольный? – разозлилась я. Тамара, кстати, тоже эмоции не сдерживала.

– Иди к лешему! – гаркнула она, ткнув пальцем в сторону входной двери.

– Про Витьку-то как узнали? – вздохнула я, вовсе не желая ссориться с толстухой. – Я имею в виду, что он был со мной. – Тамара лишь презрительно фыркнула. – И что общественность думает по поводу убийства? – после непродолжительной паузы осведомилась я.

– Ничего не думает.

– Вообще ничего?

Тамара пожала плечами.

– А что это за женщина?

– Видать, прибилудилась, никто ее не знает. Ты сама как считаешь, что за баба?

– Вряд ли бездомная. Не похожа. И не наркоманка. Руки чистые.

– И что нормальной бабе в таком месте делать?

– Разные бывают обстоятельства. Искала кого-нибудь. Я ведь там тоже оказалась.

– Ты где только не оказываешься. Вот я Владану-то скажу, куда тебя без него носит.

– Я не маленькая девочка, и он мне не отец. А ябедничать нехорошо.

– Полина, – глядя исподлобья, сказала она. – Не вздумай сама убийцу искать. Сыщик из тебя, как из меня балерина, а шею ненароком свернуть могут. Владана это вряд ли порадует, хоть и не знаю, с какой такой стати у него к тебе большая симпатия.

– Это наш секрет, – скривилась я. Слова Тамары о моих талантах сыщика задели, хоть я и знала, что она права.

Допив коктейль, я вернулась в офис. Посидела немного на банкетке возле входной двери и поехала домой. По дороге позвонил папа, мы решили вместе поужинать, а вскоре после этого объявился Бад.

– Привет, красотка. Чем занимаешься?

– Прикидываю, какое платье надеть к ужину.

– Неужто для меня стараешься? – хохотнул он.

– Еще чего. Для папы.

– Ты ужинаешь с отцом?

– Тебя это удивляет? Я примерная дочь, так что сегодня у тебя выходной, займись чем-нибудь приятным.

– Понимать это надо так: вечер в твоём обществе для меня тяжелая и изнурительная работа? Полина, ты дурочка.

– Конечно, кто ж еще.

– Три часа на ужин с отцом тебе за глаза. А потом махнем за город. Будем пить коньяк из горлышка и смотреть на звезды.

– Заманчиво. Может быть, завтра?

– Завтра обещают дождь.

– Кто верит обещаниям? Ладно, пока.

Я отбросила мобильный в сторону, в очередной раз задавшись вопросом: в чем истинная причина более чем лояльного ко мне отношения Бада? Неужто я ему в самом деле нравлюсь? Эта мысль занимала меня весь вечер. Должно быть, слишком занимала, папа обратил внимание на мою задумчивость.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил он, нахмурившись.

– Нет, все нормально. Папа, почему ты не женишься? – брякнула я. – Ведь со смерти мамы прошло столько лет... – Лицо его помрачнело, и я пошла на попятный: – Прости, папа.

– Ты знаешь, я не терплю разговоров на эту тему, но, наверное, поговорить все-таки стоит. Мне очень сложно представить другую женщину на месте твоей мамы. Это вовсе не значит, что у меня нет женщин. С одной из них я поддерживаю отношения уже три года.

– Почему ты тогда...

– Потому что она не твоя мама. Невозможно вернуть то, что было когда-то.

– Допустим. Но кто сказал, что нельзя быть счастливым с другим человеком?

– Наверное, можно, – вздохнул папа. – Но я-то хочу как раз того, что у меня было. Скорее всего, нас обоих постигнет разочарование: меня будет раздражать, что вторая жена не является точной копией первой, ее – сам факт подобного сравнения. Кстати, я вполне доволен жизнью, то есть я был бы совершенно счастлив, если бы твоя семейная жизнь наконец сложилась.

– Если ты о Валере, то забудь об этом.

– Это ведь тоже табу? Мы избегаем разговора о вашем разводе. Точнее, о его причине.

Вот уж о чем я точно не хотела говорить... Я покачала головой, а потом предложила, улыбаясь:

– Давай не будем портить вечер.

– Хорошо, – кивнул отец. – Ты моя дочь, но я, по сути, мало что о тебе знаю. Подобные мысли пугают.

– Папа... – Я накрыла его руку своей. – Ей-богу, у меня все в порядке. А что касается Валеры... нет никаких тайн, просто он совсем не тот человек, которого я себе вообразила до замужества.

– А Владан тот?

– Владан – тот, – кивнула я, уловив в голосе отца иронию и недоверчивость.

– Надеюсь, ты не ошибаешься.

После этого разговора мы оба почувствовали неловкость и поспешили всячески ее сгладить. Отец предложил остаться у него, и я осталась. После ужина мы часа полтора гуляли в парке, я висла на его руке, как когда-то в детстве, и чувствовала себя маленькой девочкой, для которой любимый папочка сделает невозможное. Неудивительно, что о Баде я забыла. Мобильный я отключила еще в ресторане (папа не любил, когда нас отвлекали), и пропущенные звонки увидела только утром по дороге в офис, когда включила телефон. Подумала позвонить Алексею, но тут же мысленно махнула рукой: в конце концов, я ему ничего не обещала.

То утро отличалось от предыдущего появлением Маринки, она заглянула ко мне перед тем, как отправиться в салон красоты, хозяйкой которого являлась.

– Не надоело тебе здесь без дела торчать? – спросила ворчливо.

– Кто-то должен встретить клиента...

– Ага, их целый табун у дверей. Слышь, Полинка, у меня девки в отпусках, почему бы тебе не поработать администратором, раз уж тебя так тянет к трудовой деятельности.

В первое мгновение я предложению даже обрадовалась, в самом деле, это куда лучше, чем томиться здесь, точно в заключении. Но тут же возникло опасение: Владан, чего доброго, может решить, что вполне без меня обойдется. Я сурово покачала головой, и Маринка, чертыхнувшись сквозь зубы, убралась восвояси.

Я перебралась на диван, прихватив книжку, и успела дойти до семьдесят четвертой страницы, когда в окно кто-то бросил камешек. Ущерб от броска никакого, да и звук был едва слышным, однако я решила взглянуть, кто это такой смелый? Или все-таки неловкий?

В общем, я открыла окно, повертела головой в поисках подходящего кандидата и увидела в подворотне Виктора. Он махнул мне рукой, предлагая к нему присоединиться, и я бросилась через дорогу, едва не забыв дверь запереть. Парень к моменту моего появления в подворотне успел переместиться подальше от выхода на улицу и теперь подпирал стену, сунув руки в карманы спортивных штанов.

– Привет, – сказала я, понижая голос.

Он кивнул, поглядывая поверх моего плеча. Шпионские страсти вызывали улыбку, но я не спешила ее демонстрировать, не хотела обижать парня.

– Узнал что-нибудь?

– Про бабу эту? Не-а. Глухо, как в танке. Я поспрашивал.

– Но ведь откуда-то она взялась?

– Понятное дело, – кивнул Виктор. – Вот я и думаю, не иначе, как это Горбатого баба.

– Какого Горбатого? – насторожилась я.

– У него фабрика прямо возле рынка.

– Фабрика? – переспросила я с сомнением, мимо рынка я проезжала не раз и никакой фабрики не видела.

– Ну, сумки шьют, кошельки всякие.

– Почему ты решил, что убитая работала на этой фабрике?

– Так я же сказал, никто эту бабу не знает, а у Горбатого нелегалки работают. На фабрике и живут, он их отпускает раз в сто лет по обещанию.

– А ты не выдумываешь? Это ж просто рабство какое-то.

Витька презрительно хмыкнул:

– Если хочешь, можешь сама взглянуть.

– На фабрику?

– Ты чего такая бестолковая? На девок, что там работают. Вдруг кто-то из них нашу покойницу знает.

– Но если там работают нелегалы, посторонних вряд ли пустят.

– Само собой. Но пролезть можно.

Я едва вновь не брякнула «куда», но вовремя опомнилась, спасая остатки Витькиного уважения.

– Когда пойдем?

– Можно хоть сейчас. – Витька отлепился от стены и направился во двор, я смотрела ему вслед, пока он не повернулся, буркнув: – Что стоишь, потопали, – и припустилась следом.

То, что передо мной фабрика, мне бы и в голову не пришло. Жуткого вида сооружения, обшитые железом и напоминающие гаражи, которые строят из того, что оказалось под рукой, чаще всего просто из хлама. Они тянулись вдоль всего переулка, примыкающего к рынку, и, как выяснилось, занимали целый квартал.

Двигаясь за Витькой, я разглядывала эту китайскую стену, у которой, похоже, не было ни единой бреши. Ни входа, ни выхода. Однако вскоре возникла не только

дверь, но и ворота, наглухо закрытые. Подтверждением моей догадки о назначении данных сооружений над воротами была вывеска: «Гаражный кооператив “Луч”». И ниже на белой дощечке: «Проезд только по пропускам».

Машин, так же как и людей, не наблюдалось. Я покосилась на Витьку, он уверенно шел дальше, игнорируя дверь, которая не могла похвастать вывеской, только лампочкой, свисавшей на длинном шнуре и в настоящее время совершенно бесполезной. Задавать вопросы я не спешила и продолжала разглядывать чудо архитектуры, стараясь не отставать от Витьки.

Мы свернули в соседний переулок, еще более узкий и грязный. Впереди я увидела деревянные ящики, сваленные в кучу, к ним мой провожатый и направился. Соорудив из ящиков подобие лестницы, он взгромоздился на крышу гаража и махнул мне рукой, предлагая присоединиться. Шаткое сооружение вызывало страх, но ударить в грязь лицом не хотелось, и я полезла следом, подумав, что, скорее всего, именно этим дело и кончится: свалюсь с высоты трех метров прямо в мусорную кучу. Однако ничего подобного не произошло, Витька джентльменски подал мне руку, после чего мы весело поскакали по крышам, с гаража на гараж, точно зайцы. К счастью, длилось это недолго. Но тут оказалось, что это было лишь начало пути и испытания еще даже не начинались. Витька улегся на крыше и ползком начал перемещаться влево, я последовала его примеру, мысленно попрощавшись с блузкой, которая обошлась мне совсем недешево.

Мы достигли конца крыши, я начала оглядываться и в первое мгновение не увидела ничего интересного. В пространстве между гаражами стояла «Газель», в которую парни в рабочих комбинезонах загружали коробки, судя по всему, не особо тяжелые.

– Дождемся, когда они свалят, – сказал Витька, устраиваясь поудобнее.

Машина отъехала минут через пятнадцать, парни в комбинезонах вернулись в гараж, но ворота оставили открытыми.

– Идем, – позвал Витька и ловко спрыгнул на землю.

Я в ужасе смотрела вниз, уверенная, что непременно переломаю ноги. Однако Витька и здесь пришел на помощь, сложил руки замком, чтобы я смогла

поставить на них ногу. Меня так пугала перспектива свернуть себе шею, что об остальном я не подумала, а надо бы. Например, о том, что незваным гостям вряд ли будут рады.

Мои ноги коснулись земли, Витька припустился к воротам, и я, конечно, тоже. Тут и ждал первый сюрприз. Гаражи стояли вплотную друг к другу, стены между ними снесли, в результате получилось большое пространство, что-то вроде склада. Я видела стеллажи и коробки на них, подобные тем, что загружали в машину.

– Куда мы идем? – шепотом спросила я, хотя интересовало меня вовсе не это.

Витька, как видно, это понял, потому что ответил:

– Не бойся, когда машин нет, грузчики в конторе чай пьют. У них там телик, оттуда их за уши не вытащишь.

– Откуда ты знаешь?

– Не первый раз здесь, – хихикнул Витька.

– Что тебе здесь могло понадобиться? – удивилась я.

– Что, что... сумки тырили. Толкнешь сумку на толкучке возле рынка – и, считай, в шоколаде. – Тут он сделал знак молчать, я увидела дверь, вела она, скорее всего, в ту самую контору.

Мы осторожно двигались дальше. Вокруг тюки, какие-то коробки, а еще я обратила внимание на все нарастающий звук и не сразу поняла, что это, и лишь потом сообразила: швейные машинки. А через пару минут глазам предстало жутковатое зрелище: два ряда столов, уходящие в полумрак, как в бесконечность. Ни одного окна, дневной свет сюда не просачивался, над каждым столом свисала лампа, при свете которой и работала швея. Женщины сидели, низко склонив головы, оттого казалось, что у швей вовсе их нет, только спины в синих рабочих халатах.

– Что скажешь? – спросил Витька с самодовольным видом.

– Ужас. Сколько их тут?

– Это надо у Горбатого спрашивать. Ладно, потопали, а то еще нарвемся на кого-нибудь.

– Но ведь мы хотели... – начала я, а Витька перебил:

– Здесь не побазаришь, мастер увидит, да и не до базаров бабам, нужно норму выполнять.

– Где же тогда с ними поговорить?

– Да тут, по соседству. Они живут напротив.

Мы вернулись к воротам никем не замеченные. Любопытство заставило меня заглянуть в одну из коробок на стеллажах. В ней была фурнитура. Я только головой покачала: здесь были представлены, наверное, все известные бренды. Интересно, куда они отсюда отправляются? Я покосилась на свою сумку. Ее я покупала в Милане, а вот где ее шили, остается лишь гадать. Перед глазами вновь возникла недавняя картина: согбенные спины, стук машинок и бьющий в глаза свет лампочек. Увиденное способно навсегда лишить удовольствия от шопинга.

Выйдя из цеха, Витька уверенно повернул налево, я обратила внимание на железную решетку, которая была тут вместо забора, калитка закрыта, но не заперта. По словам моего провожатого, эта часть гаражей, в плане имеющих букву «П», жилой блок. В его словах сомневаться не приходилось: на натянутых веревках сушилось белье, пахло едой, а еще хлоркой. Из ближайшего гаража появилась женщина, взглянула на нас с недоумением и поспешно вернулась обратно еще до того, как я успела хоть слово произнести. Витька направился за ней, перспектива быть пойманным его, судя по всему, вовсе не пугала. Меня же все увиденное навело на мысль, что наше предприятие куда опаснее, чем даже можно представить.

Витька широко распахнул дверь и позвал:

– Эй, кто-нибудь говорит по-русски?

Заглянув в гараж, я увидела трех женщин, сидевших на расстеленных вдоль стен одеялах, слева стоял стол, небольшая газовая плита, над ней полка с посудой. Женщины в молчании наблюдали за нами.

– Не беспокойтесь, – начала я, зачем-то выставив перед собой руки. – Я просто хочу узнать об одной женщине. Возможно, она здесь работала. Никто из ваших друзей не пропал на днях? Отправился куда-то и не вернулся?

Никакой реакции.

– Сколько человек тут работает? – вновь задала я вопрос, а Витька рявкнул:

– Вы русский язык понимаете?

– Не понимаем, – покачала головой одна из женщин. – Ничего не понимаем.

В этот момент за нашими спинами появилась девушка лет двадцати, в длинном черном платье. Я вздрогнула от неожиданности, а она бросилась бежать. Бежала она к калитке и хоть не издала ни звука, но у меня не было сомнений: она спешит за помощью. А значит, через пару минут нам придется тугο. Должно быть, те же мысли и Витьку посетили.

– Сматываемся, – крикнул он, но рванул совсем не в ту сторону, откуда мы сюда явились.

Задавать вопросы не было времени, я бросилась за ним, и вскоре мы оказались в узком пространстве между гаражами. Впереди была решетка, закрывая проход. Витька по-обезьяньи на нее забрался, а я вздохнула с облегчением: выбраться отсюда будет гораздо легче. Но радовалась я рано. Витька от избытка волнений не особо заботился о том, куда поставить ногу, и в результате сорвался. Ничего не повредил, но на вторичный подъем потребовалось время. Я в страхе оглядывалась, ожидая появления рассерженных дядей, они и в самом деле появились, но не там, где я думала.

Преодолев препятствие в виде решетки, я приземлилась на землю, и вот тогда-то и увидела двоих мужчин, вооруженных дубинками на манер полицейских, один, не раздумывая, двинул ею по ногам Витьке, который, само собой, пытался

сбежать. Витька рухнул на колени, отчаянно вопя:

– Ты мне ногу сломал, гад!

Второй тип кинулся ко мне, замахнулся, я заорала отчаянно, но мужчина руку отвел, должно быть, разглядел, что перед ним девушка.

– Ворье проклятое, – зло бросил он, хватая меня за плечо.

– Мы ничего не украли, – возмутилась я. – Вызывайте полицию.

Упоминание о полиции не понравилось ни охранникам (ими, скорее всего, мужчины и являлись), ни Витьке. Витьке моя идея даже больше не пришлась по вкусу.

– Будет тебе полиция, – буркнул крепкий мужчина со стрижкой «ежиком», державший его. – Потопали к хозяину.

Оказалось, решетку можно открыть, что он и сделал. Она запиралась на замок. Мы вернулись на территорию гаражного кооператива, который на поверку им не был, и прошествовали к цеху, где недавно побывали, никого из обитателей не встретив по дороге, но я чувствовала: из-за неплотно прикрытых гаражных дверей за нами наблюдают.

В цехе наше появление ажиотажа тоже не вызвало, швеи усердно трудились, не поднимая голов. Дисциплина, надо полагать, здесь была железная.

Мы оказались возле двери, мой конвоир постучал и, не дождавшись ответа, дверь распахнул. Перед нами был кабинет с дешевой мебелью, стеллажами вдоль стен и коробками, которые занимали половину комнаты. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, светловолосый, бородатый, похожий на старовера из советских фильмов. На нем была рубашка в клетку, застегнутая на все пуговицы, что сходство лишь усиливало.

– Вот, – незамысловато начал мой конвоир. – Болтались на территории.

– Что-нибудь свистнули? – спросил мужчина за столом, приглядываясь ко мне.

– При них ничего не было, наверное, успели сбросить. Этот гаденыш здесь точно не в первый раз.

Мужчина кивнул и ко мне обратился:

– С гаденышем все ясно, а вам, милая, не стыдно?

– Это вам надо стыдиться. Рабовладелец. В каких условиях у вас люди работают. И живут.

– Между прочим, они мне благодарны.

– Еще бы. У вас на лице написано «благодетель». Руку отпусти, – буркнула я охраннику. Мужчина покосился на хозяина, тот кивнул, и руку он отпустил. – Я не сделала ничего плохого... – продолжила я.

– Если не считать, что вы проникли на частную территорию.

– Еще вопрос, что это за территория такая. На воротах значится «гаражный кооператив». Интересно, у кого из нас будет больше проблем, если вы в самом деле вызовете полицию?

– Менты точно в доле, – буркнул Витька, дотоле молчавший, не худо бы ему и дальше молчать.

– Парень знает жизнь, – кивнул хозяин кабинета, кстати, никакого горба я у него не заметила. – Что вас привело сюда? – спросил он.

– Важное дело. Пусть охрана выйдет.

Горбатый, который не был горбатым, вновь кивнул, и мужчины вышли с легкой обидой на лицах. Витька, не дожидаясь приглашения, устроился на стуле и выпячивал грудь, так его разбирало. Я тоже села, поближе к хозяину.

– Слушаю вас, – вздохнул он.

– Вы, наверное, знаете, что вчера неподалеку отсюда обнаружили женщину, она была вся в крови и скончалась до приезда «Скорой помощи». В этом районе новости распространяются быстро, но до сих пор об этой женщине нет никаких сведений. Предположим, она здесь нелегально...

– И работает на моей фабрике? – повертев карандаш в руках, спросил Горбатый. – С таким же успехом она могла работать в другом месте или вообще нигде не работать. Вам известно, сколько в Яме живет нелегалов? Точной цифры не знает никто. Ваша женщина могла приехать в гости или просто пришла сюда к кому-то... При чем здесь я?

На самом деле в его словах содержалась горькая правда, по крайней мере в том, что касалось нелегалов. Периодические рейды ФМС мало что меняли, на смену одним гражданам, незаконно находящимся здесь, появлялись другие, и тоже без документов.

Говорил Горбатый уверенно, полиции не боялся, потому что Витька прав, подобная фабрика просто не могла бы функционировать без надежной «крыши». Но соглашаться с тем, что я сваляла дурака, явившись сюда, все же не хотелось, особенно после того, как я почувствовала явное беспокойство Горбатого, лишь только речь зашла об убитой женщине.

– Я просто хотела поговорить с работницами вашей фабрики, – улыбнулась я, предлагая мировую. – Вдруг сегодня кого-то недосчитались?

– Мои все на месте. А эту бабу, скорее всего, пырнули ножом в пьяной ссоре. Что вам за интерес копаться в таком дерьме?

– А это уж мое дело.

Горбатый усмехнулся:

– Вы тут, конечно, на особом положении, но тот, кому вы этим обязаны, вряд ли придет в восторг, когда узнает...

– Вы сейчас кого имеете в виду? – перебила я, а он кивнул.

– Идите, дорогая девушка. Надеюсь, вас здесь больше не увидеть. А ты, – повернулся он к Витьке, – за квартал это место обходи. Еще раз поймаю – сядешь. Года на два гарантированно. Понял?

Витька, насупившись, направился к двери, я за ним. Охранники ждали неподалеку и проводили нас до ворот.

– Девушка тут работала? – не удержалась я от вопроса.

– Какая девушка? – хмыкнул один, второй нахмурился.

– Вы прекрасно знаете, о ком я говорю.

– Пока, красавица.

Ворота закрылись перед моим носом, Витька прошипел гневно:

– Козлы.

И мы побрели дальше по улице.

– Завтра можно опять попробовать, – вдруг произнес мой спутник.

– С ума сошел? Слышал, что он сказал? Хочешь оказаться в тюрьме?

– Да плевать я хотел на его угрозы...

– Кстати, а откуда у него кличка Горбатый, никакого горба у него нет, – решила я удовлетворить свое любопытство.

– Это не кличка, – ответил Витька. – А фамилия.

– Ну, что ж... бывает и хуже. Спасибо тебе за помощь. И сделай одолжение, завязывай с воровством, добром это не кончится.

Мы простились. Я вернулась в офис и принялась искать визитку, которую неизвестно куда успела сунуть, уверенная, что она вряд ли понадобится. За этим занятием меня и застал Бад.

– Привет, – сказал он, устраиваясь в кресле. – Что ищешь?

– Визитку одного знакомого.

– Не с кем выпить кофе?

Бад, по обыкновению, насмешливо улыбался, но явно был чем-то озабочен.

– Вообще-то он мент.

– Боже, что за странные знакомства для приличной девушки.

– Да уж, один ты чего стоишь, – не осталась я в долгу, Бад засмеялся, а я чертыхнулась. Похоже, визитку я все-таки потеряла, о чем сейчас горько сожалела. – Кстати, что ты делаешь здесь в такое время?

– Проезжал мимо, – ответил он.

– Вот как. Что-то ты зачастил мимо ездить.

– На самом деле хотел узнать, на кого ты вчера меня променяла, – засмеялся он.

– Я же говорила, что ужинаю с папой.

– И дома не ночевала. Мобильный отключен...

– Вот скажи, – уперев руку в бок, спросила я с вызовом, – какое тебе до этого дело?

– Я бы мог соврать, что беспокоюсь за друга, но звучит совсем уж по-дурацки.

– Ага, тем более что другу моя верность пофиг.

– Кто знает, – вздохнул Бад. – Скажи-ка лучше, зачем тебе мент понадобился?

– Надеялась кое-что узнать.

– Это как-то связано с трупом, на который ты наткнулась, болтаясь бог знает где?

То, что Баду известно об этом, несколько не удивило. Несмотря на то что здесь он давно не жил и дел никаких не имел, новости узнавал с космической скоростью. Впрочем, насчет дел тоже не все ясно. Бад это Бад, птица дневная и ночная в одном лице, в том смысле, что есть дела, которые вершатся днем, и есть те, которые ночью, и знать о них таким, как я, не положено. Оттого я слегка насторожилась. Возникло ощущение: именно по этой причине Бад и появился. «Неужто убийство имеет к нему отношение?» – уже через минуту думала я с испугом.

– Допустим, связано, и что? – ответила я.

Он поморщился.

– Полинка, Владану очень не понравится, что ты без его ведома суешь свой хорошенький носик черт знает куда, подвергая себя опасности... Еще больше это не нравится мне.

– Почему? – нахмурилась я. Он закатил глаза. – Ответь, пожалуйста... – Отвечать он не спешил, и я продолжила: – Что за опасность может мне грозить?

– Сомневаюсь, что за этим убийством скрыта вселенская тайна. Напротив, уверен, все банально до зевоты. Но то, что ты в компании шпаны будешь шляться по темным подворотням, безусловно, поднимет мне давление днем и лишит покоя ночью.

– Вот оно что, – протянула я с некоторым разочарованием. – Слушай, а у тебя есть знакомые в полиции?

Он тяжело вздохнул и после непродолжительной паузы спросил:

– Ты кого-то конкретного имеешь в виду?

– Алеша, мне бы только узнать, кто она...

– Я даже не спрашиваю зачем. «Алеша» прозвучало как ангельская музыка. – Он засмеялся, достал мобильный и принялся кому-то звонить.

Из разговора я вынесла следующее: его собеседника зовут Павел, и Бад намерен с ним встретиться через час в кафе на улице Марата. На этой самой улице как раз находится Следственный комитет.

– Поехали, – кивнул мне Бад. – Заодно пообедаем вместе.

Павел явился с пятнадцатиминутным опозданием, поздоровался торопливо и тут же спросил:

– Откуда такой интерес к этой гастарбайтерше? Ты меня удивил.

Он оказался совсем молодым человеком, лет двадцати пяти, не больше. С модной стрижкой, в отлично сшитом костюме и с золотыми часами на запястье. Подъехал, кстати, на новеньком «Мерседесе». «Золотой мальчик», тут же окрестила его я. Папа небось генерал. Впрочем, не мне упрекать в этом человека. Я тоже благодаря отцу живу на всем готовеньком, и место под солнцем добывать, орудуя локтями, не приходится. Любопытно, что их связывает с Бадом?

Алексей между тем с кривой ухмылкой кивнул в мою сторону:

– Интерес у Полины Леонидовны, а я готов выполнить любой ее каприз.

Павел безуспешно пытался справиться с изумлением, неизвестно, что его поразило больше: существование девицы, чьи прихоти Бад готов выполнять, или тот факт, что меня интересует убийство. Я решила: истина где-то посередине.

– Можно узнать вашу фамилию? – очень вежливо спросил Павел, обращаясь ко мне.

– Забелина, – ответила я, гадая, почему до сих пор ношу фамилию бывшего мужа. Должно быть, природная лень сыграла не последнюю роль: не хотелось возни со сменой документов.

Павел явно заинтересовался, я-то думала, он вспомнил фамилию в протоколе, и оказалась не права.

– Ваш папа – Немцов Леонид Сергеевич?

Я молча кивнула. Он перевел взгляд на Алексея и тоже кивнул. Бад нацелился на невесту с приданым, примерно такие мысли наверняка бродили в его голове.

– Давайте отвлечемся от моего папы, – предложила я миролюбиво, Павел засмеялся:

– Теряюсь в догадках, зачем вам...

– Это я вызвала полицию. И «Скорую».

Улыбка исчезла с его лица, а Бад спросил:

– Нарыть что-нибудь успели?

– Куда там... – махнул рукой Павел. – До сих пор не установили, кто она такая. Родственников у нее здесь либо нет, либо на исчезновение еще не обратили внимания. Вскрытие провели, два ножевых ранения в область груди, в результате чего она и скончалась. Собственно, это все.

– Как «все»? Откуда-то она в подворотне появилась? Неужели ничего не нашли?

На этот раз Павел пожал плечами.

– На пустыре за этой самой подворотней обнаружены следы крови, но откуда девица там взялась... Вокруг жуткий бомжатник. Похоже, она нелегалка. Это объясняет, почему ее судьбой никто не поинтересовался до сих пор. Что-нибудь не поделила со своими приятелями или еще с кем...

– То есть убийцу никто искать не будет, я правильно поняла?

– Почему же? – обиделся Павел. – Все необходимые следственные действия...

Дальше мне было неинтересно, и я нетерпеливо перебила:

– Неподалеку от старого рынка фабрика, на которой работают нелегалы. Территория гаражного кооператива. Возможно, женщина оттуда.

Павел кивнул, вроде бы соглашаясь. Подошла официантка. Бад спросил, обращаясь к Павлу:

– Пообедаешь?

– Нет, спасибо. Дел до черта, прошу прощения, – торопливо добавил он, повернувшись ко мне. И снова к Бад: – Позвоню, если что. Пока.

Они обменялись рукопожатием, и Павел припустился к своему «Мерседесу». Я проводила его неприязненным взглядом.

– Убийцу они не найдут. Даже искать не будут.

– Обычно ищут, иногда даже находят.

– Издеваешься?

– Полина, – позвал он. – Я понимаю: столкнуться в подворотне с теткой, которая вдруг стала трупом на твоих глазах, неприятно. И это еще мягко сказано. У девушки вроде тебя это способно вызвать шок. Но... не подскажешь, почему у меня складывается впечатление, что ты просто страдаешь от безделья?

– Она вовсе не тетка, – буркнула я. Слова Бада вызвали неприятное беспокойство, наверное, поэтому я и продолжила, то ли его стараясь убедить, то ли себя: – В одной книжке я наткнулась на фразу главного героя – сыщика: «Мы говорим устами мертвых». Занимаясь делом об убийстве, следователь узнает то, что убитый уже не в состоянии рассказать. Кто-то обязательно должен сделать

за него это. Понимаешь?

Я думала, Бад меня высмеет, но он смотрел исключительно серьезно.

– Давай дадим им возможность выполнить свою работу, – наконец сказал он. – Там есть толковые ребята. И дождемся Серба, я хотел сказать Владана...

Через полчаса он отвез меня в офис, где была моя машина.

– Есть идея культурной программы на вечер? – спросил он, помогая мне выйти из «БМВ».

– Я девушка без фантазий.

– Ни за что не поверю. Отправляйся домой, зай-мись чем-нибудь приятным, а часа через три я за тобой заеду. – Он поцеловал меня, легко коснувшись губами моих губ, и отбыл.

Возле двери офиса стояла Маринка и наблюдала за нашим прощанием с материнской улыбкой.

– Он все-таки в тебя втюрился, – сказала она, когда я приблизилась.

– Старая песня.

– Нет, правда.

– Не надейся сбить меня с рук. Я мечтаю о другом мужчине, что тебе хорошо известно.

– Так бы и двинула по носу, – фыркнула Маринка, опускаясь на ступеньку. Я устроилась рядом. – Не может это долго продолжаться, – проворчала она.

– Я готова ждать всю жизнь.

– Сейчас в самом деле схлопочешь. А вдруг он правда влюблен? Даже помолодел, ей-богу.

– Он и так не старый, – кивнула я. – Если Баду кто и нравится в нашей семье, так это папа.

– Да ладно...

– Ага... Кто говорил, что во мне нет ничего хорошего?

– Так это я в сердцах. Сдуру брякнула. На самом деле ты не девчонка, а загляденье.

– Не подхалимничай. О таком тесте, как мой папа, можно только мечтать. Владан считает, Бад созрел для женитьбы на девушке с приданым.

– Ну, так это неплохо.

– Возможно, но я готова идти замуж исключительно по любви.

– Правильно Марич говорит, что ты дурочка, – поднимаясь, заявила Маринка. – Смотри, останешься у разбитого корыта.

Я с трудом сдержалась, чтоб не ответить, и пошла заливать обиду чаем. Владан назвал меня дурочкой, впрочем, это не новость, но называть меня так в разговоре с Маринкой... Вот свинья... Господи, когда же он вернется?

Чай я так и не выпила. Поглазела немного в окно, вернулась мысленно к недавней встрече и решила посетить тот самый пустырь, о котором говорил Павел. Сборы заняли пару минут, и вскоре я уже была в переулке, таком же безлюдном, как и накануне. С некоторой опаской вошла в подворотню. Похоже, ее использовали как туалет, запах стоял почти нестерпимый. Слева и справа двери, судя по цифрам три и семь, здесь две квартиры. Со стороны переул�а дом выглядел нежилым, но я на всякий случай двери проверила. Обе то ли заперты, то ли вовсе заколочены.

Пустырь начинался сразу от подворотни. Когда-то тут стояли дома с гаражами или сараями, от которых остались лишь фундамент да гнилые доски в высокой траве. Идти здесь опасно, запросто можно поломать ноги. Я заглянула в окна первого этажа со стороны пустыря. В рамах остатки стекол. Все, что могли, давно вынесли, что не могли – искорежили.

Я с осторожностью направилась через пустырь, предварительно оглядевшись. Через полчаса стало ясно: отсюда можно попасть сразу на три улицы, не считая переулка, где я начала свой путь. Выходит, появиться женщина могла откуда угодно. Вопрос, почему предпочла бежать через пустырь, а не по улице, где ей скорее бы пришли на помощь?

Ответ очевиден: она пряталась. А вот дальше все не так просто. На пустыре, по словам Павла, ее кровь. Женщину преследовали, настигли и ударили ножом? Из последних сил она добралась до подворотни? Или все произошло в одном из примыкавших к пустырю домов? Она решила спрятаться, но, поняв, что без врачебной помощи не справится, вышла в переулок.

Из-за близости той самой фабрики первое казалось более вероятным. Если женщина направлялась туда, могла воспользоваться короткой дорогой через пустырь, хотя никакой дороги, конечно, нет, да и ходить здесь небезопасно, не только из-за местной шпаны. Опять же, женщины обычно носят сумочку...

Предположим, за сумкой как раз и охотились, хотя грабителям сама сумка вряд ли нужна, забрали кошелек с мобильным, остальное тут же выбросили. Да и не стали бы грабители наносить два удара ножом, особенно учитывая тот факт, что женщина не сопротивлялась. Будь иначе, мы с Витькой услышали бы крики.

Вторая версия тоже вызывала сомнения. Если неизвестная получила ранение в результате ссоры, соседи об этой самой ссоре должны были знать. Народ здесь приметливый. Может, и знали, да промолчали.

На всякий случай я заглянула во дворы всех шести домов, что находились в непосредственной близости от пустыря. Павел прав: натуральный бомжатник. Во дворе одного дома на веревке развешено белье, дверь в подъезд открыта, оттуда тянуло сыростью и уже привычным запахом туалета. Заходить в дом я поостереглась. Тут я увидела двух женщин, они о чем-то болтали, посмеиваясь. В руках у той, что старше, хозяйственная сумка. Заметив меня, обе скрылись в

доме, судя по всему, жилым в нем был только второй этаж.

Я огорченно вздохнула, теплилась надежда, что удастся с женщинами поговорить, хотя знала: чужаков здесь не любят. Слишком много секретов таят обшарпанные стены. Я оглядывалась, словно ожидая озарения. Если погибшая женщина все-таки жила тут, откуда проще всего выбраться на пустырь, при этом не привлекая внимания?

Двухэтажный жилой дом от пустыря отделяет овраг, довольно глубокий, вряд ли смертельно раненный человек способен его преодолеть. За следующим домом полуразвалившиеся сараи и мусорная свалка – тоже серьезная преграда.

Интерес вызвал покосившийся домишко, по виду не жилой, но крышу не так давно ремонтировали, заплатка из рубероида бросалась в глаза. Я направилась к нему. На окнах решетки, занавески задернуты. Занавески, само собой, не показатель того, что здесь кто-то живет. Допустим, при переселении их могли просто полениться снять. Надо сказать, городские власти не первое десятилетие пытались расселить людей из этих лачуг. Но если дом в тот же день не сносили (что, согласитесь, довольно проблематично), в нем буквально через пару дней появлялись новые жильцы, и вся эта «воронья слободка» продолжала свое существование. Дома отрезали от электросетей, но электричество тут же проводили своими силами, прочие блага цивилизации здесь редкость, оттого и отключать-то было нечего.

Я подошла к входной двери и попробовала ее открыть. Задание не из легких. Ручку недавно оторвали, о чем свидетельствовали дыры от гвоздей. Открывалась дверь на улицу, следовательно, данное обстоятельство вовсе не значило, что дом необитаем, жильцы могли счастливо обходиться ключом: вставляешь его в замок и используешь как ручку, открывая дверь.

За неимением звонка я принялась стучать, после чего немного послушала тишину и вновь вернулась к окнам. От земли до подоконника всего-то сантиметров пятьдесят. Воровато оглядевшись, я взгромоздилась на подоконник и заглянула вовнутрь, держа руку козырьком, чтобы лучше видеть. Но, к моему разочарованию, сквозь занавески ничего разглядеть невозможно.

Чертыхаясь от досады, я вошла во двор дома. Здесь тоже была дверь, слегка приоткрытая, что вызвало у меня прилив энтузиазма. Однако радость оказалась

преждевременной, в узком коридоре была еще одна дверь. Заколоченная. Шляпки новеньких гвоздей я хорошо видела. Хотя для тех, кто надумает тут обосноваться, гвозди не такая уж непреодолимая преграда.

Оглядев кирпичные стены с сеткой трещин, я головой покачала: в каком отчаянном положении должен находиться человек, чтобы решить поселиться в этом месте?

Продолжая оглядываться, я направилась к пустырю. Подворотня, из которой появилась умирающая женщина, прямо напротив. Это просто совпадение? Совсем рядом дома. Если она убегала от взбесившегося сожителя, логичнее искать защиту у соседей. Они бы и спрятали, и полицию вызвали. Логично в любом другом месте, но не здесь. Если дом в таком виде уже давно, все мои догадки яйца выеденного не стоят.

А если его заколотили уже после гибели женщины? Заманчиво допустить такое. Но ведь соседи должны об этом знать, а полицейские их опрашивали... Полицию тут не жалуют...

Положительно, этот дом меня беспокоил. Погруженная в размышления, я не сразу заметила, что во дворе уже не одна. Двое мужчин стояли в нескольких метрах, преградив мне выход на улицу. То, что эта встреча не сулит ничего хорошего, было абсолютно ясно, лица мужчин скрывали платки, повязанные на манер хирургических масок, на правой руке того, что справа, кастет. Вне всякого сомнения, мне его демонстрировали в воспитательных целях.

Я попятилась в испуге, а мужчины начали приближаться. Первая мысль: бежать, но бежать придется через пустырь, и чем дальше я от жилых домов, тем меньше у меня шансов на спасение. Может, это те самые убийцы? От такого предположения мне и вовсе стало не по себе.

– Эй, – неуверенно начала я, все еще пятясь задом. – В сумке немного денег и мобильный. Забирайте и уходите.

Ответом меня не удостоили, зато один из этих типов сместился вправо, с явным намерением меня обойти, отрезая путь к отступлению.

– Что вам нужно?! – крикнула я, голос предательски дрогнул. – Я работаю на Серба. Уверена, вы о нем слышали. – Уж как мне не хотелось козырять именем босса, но выхода, пожалуй, нет.

К величайшему огорчению, мои слова впечатления не произвели, к огорчению примешалось недоумение: неужто они в самом деле не слышали о Мариче? Может, «гастролеры»? Допустить мысль о том, что Серба они знали, но решили на мои слова наплевать, я категорически отказывалась. Это ж какими отморозками надо быть... или очень ненавидеть Владана, а отыграться на мне. Судя по всему, так и есть.

– Придурки, – пробормотала я, покрепче ухватив сумку за неимением иного оружия.

Страх вдруг отступил, то есть я, конечно, отчаянно боялась, но злость на эту парочку была куда сильнее. Я знала: схватка будет чрезвычайно короткой, но собиралась в меру сил дать отпор.

На самом деле я, должно быть, верила в чудо, и оно не заставило себя ждать.

– Кто вы, веселые парни с кастетом? – услышала я знакомый голос и нервно хихикнула.

Невесть откуда появившийся Бад стоял, привалившись плечом к стене дома. Поза расслабленная, на лице ухмылка, а вот руку он держал под полкой пиджака. Весьма выразительно. Оба типа резко повернулись и вполне предсказуемо бросились бежать через пустырь, один из них толкнул меня, и я с криком повалилась в траву.

Завопила я скорее от неожиданности. Бад кинулся ко мне, парочка в платках вместо масок перестала его интересовать, что позволило им благополучно скрыться с наших глаз.

– Не вздумай меня воспитывать, – предупредила я, поднимаясь с помощью Алексея.

– Был бы толк. Может, мне твоему отцу пожаловаться?

– Только попробуй.

– Тогда придется дожидаться Владана и рассказать о твоих подвигах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-polyakova/ne-voroshi-osinoe-gnezdo>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)